

№10
Октябрь 2016

ТУСУССКИЙ КЛУБ

ДОСТОИНСТВО
И ГОРДОСТЬ
НАЦИИ

С. 51

Мир без преград

8 (800) 200-77-99

звонок по России бесплатный

www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ
Донара КАНДЕЛАКИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАПИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДЗЕ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ
ДЖАНСУГ ЧАРКВИАНИ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№10⁽¹³²⁾
Октябрь 2016

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 «МЫ ВАС ОЧЕНЬ ЖДАЛИ!»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 10 «ЖИЗНЬ НАЧИНАЕТСЯ ГДЕ-ТО ЗДЕСЬ...»
НИНА ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
- 14 СТРУНЫ «ЭМИГРАНТСКОЙ ЛИРЫ»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 19 РОДОМ ИЗ ИСТОРИИ
ИРИНА ДЗУЦОВА
- 23 «АФРО-ТИФЛИСЦЫ» БАШИР И КАДОР
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 26 ВООБРАЖАЕМЫЙ ДОМ
ОЛЬГА СОХАШВИЛИ-НАЙКО
- 31 «МУЗЫКА ВООДУШЕВЛЯЕТ ВСЕЛЕННУЮ...»
- 32 СТИХОТВОРЕНИЯ
КАМИЛЛА МАРИАМ КОРИНТЭЛИ
- 34 ФЕСТИВАЛЬ - ПРОБУЖДЕНИЕ
МЕДЕЯ АМИРХАНОВА
- 37 ТВОРЕЦ МУЗЫКАЛЬНОЙ ЭПОХИ
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ
- 42 ГРУЗИНСКОЕ СОКРОВИЩЕ ЭРМИТАЖА
- 44 ПАМЯТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ
- 46 ПРОЩАЙ, МОЙ ДВОР...
АНАИДА ГАЛУСТЯН
- 50 ГУРАНДА ГАБУНИЯ. 60 ЛЕТ НА СЦЕНЕ
- 51 ДОСТОИНСТВО И ГОРДОСТЬ НАЦИИ
ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ
- 54 НАТАН БААЗОВ

На обложке – Мераб Бердзенишвили. Шота Руставели
Фото Александра Сватикова

ОТ ДО

■ Роб АВАДЯЕВ

СТОЛЕТИЕ НОБЕЛЕВСКОГО ЛАУРЕАТА

Выдающемуся российскому физико-академику Виталию Лазаревичу Гинзбургу исполняется 100 лет. Он родился в Москве 4 октября 1916 года в семье инженера и матери-врача. У него с детства проявились незаурядные способности к точным наукам. Отец до 11 лет занимался с ним сам и дал ему настолько основательное домашнее образование, что сын сразу поступил в 4-ый класс семилетней школы. Затем Виталий поступил в ФЗУ – фабрично-заводское училище, что в те времена было нормальным и распространенным явлением, а после сразу на второй курс физфака МГУ. Так началась экстраординарная, многолетняя и, главное, необычайно результативная научная карьера. Основные интересы ученого были связаны с распространением радиоволн, астрофизикой, происхождением космических лучей, изучением излучения Вавилова-Черенкова, физикой плазмы и кристаллооптикой. Гинзбург разработал квантовую теорию эффекта Вавилова-

Черенкова, с Ландау занимался теорией сверхпроводимости, названную в дальнейшем Теорией Гинзбурга-Ландау, с Франком создал теорию переходного излучения, с Питаевским теорию сверхтекучести. Этот великий ученый был при жизни признан и почитаем как в научном мире, так и властями разных эпох. Он был удостоен многих орденов и медалей, очень почетной Большой медалью М. В. Ломоносова. Виталий Гинзбург был членом многих международных Академий наук, многократным лауреатом Ленинских и Государственных премий, а также премией Вольфа и Нобелевской премии по физике за 2003 год.

110 ЛЕТ СИГНАЛУ SOS

С древности моряки подавали сигналы бедствия, запуская цветные ракеты или вывешивая специальные семафорные флаги, сигнальными огнями, залпами из пушек или звоном судовых колоколов. То есть тем, что можно увидеть и услышать. Но с появлением радио на рубеже XIX-XX веков люди стали применять уже хорошо известную телеграфную азбуку Морзе. И именно для морских катастроф придумали специальный сигнал SOS – «три точки - три тире - три точки». Как только его не расшифровывали: Save Our Souls – спасите наши души, Swim Or Sink – плывите или утонем, Save Our Ship – спасите наш корабль и даже как русское «Спасите От Смерти». Но на самом деле был выбран самый простой и узнаваемый радиосигнал, который может «выстучать» не только радист, но и любой член команды терпящего бедствие судна. Кстати, его передают без пауз, без каких-либо межбуквенных интервалов.

«У ШУТА ВСЕГДА БОЛЬШЕ СЛУШАТЕЛЕЙ, ЧЕМ У ПРОПОВЕДНИКА»

Так говорил некий парижский каноник, родившийся 9 октября далекого 1201 года. Слово «Сорбон» в переводе с древнего индоевропейского языка означает «непоседа», а он как раз происходил из маленького городка с таким названием и, как никто, знал натуру нетерпеливых людей. И, став священником и теологом, отец Робер, несмотря на присущую ему строгость, был обладателем чудесного чувства юмора и доброго нрава. Он так шутил со своей паствой: «Знаю, знаю, что вы хотите нынче краткой проповеди и долгой пирушки, но, увы, не будет вам краткой мессы». А паствой его была большая ватага шумных, веселых и плохо управляемых школяров, любивших повеселиться и покурлесить. Большинство из них происходили из бедных французских городков, но были и приехавшие на учебу иностранцы из Италии и выходцы из многочисленных немецких графств. Разговорным языком между собой у них был язык церковной мессы – латынь. Так на карте Парижа появился

знаменитый Латинский квартал и богословский колледж Сорбонна, с годами превратившийся во всемирно известный университет, названный по имени каноника Робера де Сорбона – выдающегося педагога, красноречивого проповедника, а кроме того, духовника и личного друга самого Людовика IX Святого. Король любил отца Робера и не поскупился, выделив круглую сумму на содержание основанного им учебного заведения Сорбонна. Так имя пережило человека.

«У НАС ТАКИЕ ТАЙНЫ – ОБХОХОЧЕШЬСЯ!»

Так замечательно и афористично говорили герои великолепных сказок гениального Евгения Шварца. Они были ироничные и веселые, как и их создатель. Жизнелюбие и остроумие в реальной жизни тоже было свойственно писателю. Эти качества сразу признавали все, кто с ним общался, как, впрочем, и его талант. Исключение составлял только Корней Чуковский, у которого Шварц, забросив нищую провинциальную театральную труппу, с которой в начале голодных двадцатых приехал на заработки в Петроград, служил литературным секретарем. Впрочем, как шутил Евгений Львович, Чуковский вообще мало кого любил, «а не только одного Маршака», бывшего ему прямым конкурентом. Шварц тоже стал детским писателем и журналистом и работал в журналах «Чиж» и «Еж» вместе с обозреутами Хармсом и Введенским, а также с Олейниковым, Маршаком, Заболоцким и многими другими «молодыми и белозубыми». И у него выходили нечастые, но популярные у читателей детские книжки. В театрах шли спектакли по его пьесам, а также снимались кинофильмы по его сценариям. Шварц с легкостью переводил на лаконичный язык кино такие шедевры мировой литературы, как «Дон Кихот», на которого по характеру и сам, по воспоминаниям друзей, был похож – такой же романтичный, бескорыстный, благородный и непрактичный. Мы, конечно, помним его изумительные, остроумные и очень трогательные сказки для взрослых – «Обыкновенное чудо», «Тень» и страшно-ватого своим историческим предвидением «Дракона». Бывает так, что сказочник выплескивает в свои творения свое непрожитое, свое больное, свое несбывшееся, а подчас и свои нервные комплексы, как великий Ганс Христиан Андерсен. К Шварцу это решительно не относится – он был духовно здоровый и сильный человек, которого не сломали жизненные невзгоды. Его характеризовало одно свойство – необычайная храбрость. В Гражданскую Евгений Львович был нисколько не «красным», а самым, что ни на

есть «белым» – участником знаменитого корниловского Ледяного похода, получившим контузию при штурме Екатеринодара. И был демобилизован по болезни вовсе не из Красной, а из Добровольческой армии. Шварц не стал уезжать в эмиграцию, а остался жить в Советской России. Он также бесстрашно, не боясь цензуры, часто вставлял в уста своих персонажей очень недвусмысленные фразы, совершенно не скрывающие авторской позиции: «чтобы на вас не напал чужой дракон, надежнее всего завести своего», или – «а вы, друзья, как ни садитесь, только нас не сажайте», или – «свиньи вы, а не верноподданные». Но видно судьба любит смелых – Шварца не посадили, как многих из его друзей. Его только вяло «пинала» цензура, да изредка «лягали» особо бдительные литературные критики, называя автором «вредных сказочек». Шварц не боялся общественного мнения: полюбил чужую жену – увел, женился и прожил три десятка лет до самой смерти. А потом и вовсе увековечил свою любовь, рассказав о ней в пронзительном «Обыкновенном чуде». Евгений Львович с женой в блокаду остался в осажденном Ленинграде, отказавшись уехать. Они всегда вместе дежурили на крышах во время бомбежек, чтобы «если убьют, то одной бомбой». Их только через полтора года почти насильно отправили в эвакуацию в Вятку. После войны жизнь его не особенно наладилась – они с женой вечно нуждались, перебиваясь от гонорара к гонорару. Завлечены многих театров часто просто закрывали ведомости авансом, чтобы выплатить Шварцу немного денег. Он дожил до XX съезда и оттепели, но настоящая слава пришла к Шварцу уже после смерти. Его пьесы идут в театрах, по ним снимают фильмы, а фразы его героев стали поистине народными. 21 октября ему исполняется 120 лет

145 ЛЕТ ВЕЛИКОМУ БОРЦУ ВСЕЯ РУСИ

Интересно, но легендарный силач Иван Поддубный на фотографиях среди своих соперников был чуть ли не самым мелким. Он хоть и был крепким и коренастым, никогда не выглядел гигантом. И движения его на борцовском ковре были немного расслабленными и нескладными, какими-то медвежьими. Но только до определенного момента, пока он, как хищник, не почувствует слабинку в действиях соперника, а далее следовал молниеносный тигриный бросок и – туше, соперник «на лопатках». Это называлось «чистая победа».

Иван Поддубный родился в селе Богодуховка Полтавской губернии 8 октября 1871 года и был, по собственному утверждению, физически не самым сильным в семье. Отец Максим Иванович и брат Митрофан были сильнее его. Они могли поднять больший вес. Но в борьбе Ивану Поддубному не было равных за все его многолетние выступления на цирковых аренах и борцовских коврах России, Европы и Америки. Он был практически непобедимым. Только несколько раз в карьере уступил по очкам, но судейство в борьбе – вещь субъективная. И еще в поединках с ним двое соперников за всю карьеру добились ничьей. Одного Иван Максимович попросту выкинул за пределы ковра, и это рефери не посчитали победой. А спиной второго соперника, чем-то рассердившего русского чемпиона, Поддубный проломил судейский стол. Когда засчитали ничью, публика довольно хохотала.

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

«Конь, мерящий холсты» (так расшифровывается кличка знаменитой толстовской лошади – Холстомер), в сентябре отправился на двухнедельные гастроли по городам и весям России: труппа Тбилисского академического русского драматического театра имени А.С. Грибоедова восемь раз сыграла спектакль «Холстомер. История лошади» в Ярославле, Калуге, Туле, Курске и Воронеже. Турне состоялось в рамках зарубежной программы «Большие гастроли 2016» Федерального центра по поддержке гастрольной деятельности, учрежденного Министерством культуры Российской Федерации в 2014 году.

В двух древнейших русских городах – Ярославле и Калуге – грибоедовцы стали участниками театральных фестивалей. «Большие гастроли» стартовали на сцене ярославского театра драмы им. Ф. Волкова. Как писала пресса, «тбилисская постановка по произведению русского писателя стала для многих зрителей изюминкой XVII Волковского фестиваля».

Грибоедовцы были покорежны завораживающей старинной красотой Ярославля, величием Волги-матушки.

Бурные овации, цветы, подарки, комплименты... Рядовые зрители, люди театра, актеры, режиссеры, называли тбилисского «Холстомера» «фантастическим спектаклем», отмечали яркость, самобытность, высокий профессионализм постановки, отражающей философию Толстого, восхищались мастерством актеров.

Грибоедовцы были окружены любовью, вниманием принимающей стороны. На спектакль приезжали зрители из

На фоне Курского драматического театра им. А.С.Пушкина

«МЫ ВАС ОЧЕНЬ ЖДАЛИ!»

других городов – в том числе московские критики и театралы.

В Калуге театр Грибоедова принял участие в VI фестивале «Старейшие театры России» – «Холстомер» был приглашен в качестве почетного гостя и завершил его насыщенную программу. Что вполне логично. Ведь на этот фестиваль съезжаются театры, которым не меньше ста лет. «Наша задача – сохранение лучших традиций русского психологического театра и поиск новых форм для традиционных театров», – подчеркнул арт-директор фести-

валя, и.о. ректора ГИТИСа, театральный критик и телеведущий Григорий Заславский, назвавший грибоедовский театр лидером русского театрального пространства за рубежом. «Мы очень вас ждали!» – сказала театральный критик Ольга Галахова, побывавшая год назад в Тбилиси на торжествах, приуроченных к 170-летию юбилею Грибоедовского. Ожидание оправдалось: зрители и критики восторженно приняли гостей из Грузии.

Калужские впечатления не ограничились радостью встре-

Н.Свентицкий и А.Варсимашвили на пресс-конференции в Калуге

чи с публикой. Грибоедовцы отправились к святому источнику, в Свято-Успенскую Тихонову пустынь, расположенную недалеко от Калуги, в селе Льва Толстого, на берегу реки Вепрейки. Она была основана в конце XV века преподобным Тихоном Медынским (Калужским) и ко времени правления Ивана Грозного приобрела большую известность.

Кульминацией стали гастролы в Туле – на родине Льва Николаевича Толстого. «Холстомера» дважды сыграли на сцене Тульского драматического театра имени М. Горького. Огромный зал, превратившись в единый организм, был полностью захвачен трагической исповедью старого мерина.

Гостей тепло приветствовал мэр Тулы, заслуженный врач России Юрий Ципури, рассказавший о том, как посещал спектакли Грибоедовского театра еще в шестидесятые-семидесятые годы – в те годы он жил в Тбилиси, вспомнил спектакль «Иванов» в постановке Гиги Лордкипанидзе. Время бежит, а ценности русской классики все так же востребованы и в Грузии, и в

России, отметил мэр. В дар грибоедовцам преподнесли роскошный самовар и огромный фирменный пряник...

Вот что написали тульские журналисты: «Постановка Автандила Варсимашвили вызвала подлинный восторг. Спектакль «Холстомер. История лошади» – о жестоком отношении к старости, человеческой беспощадности к «белым воронам», о борьбе нравственного и безнравственного, о выборе, как духовной свободе угнетенного, но не сломленного существа... Режиссеру Автандилу Варсимашвили удалось создать современное, яркое и зрелищное действо, и при этом – трагическое и пронзительное. Постановка вызвала бурю аплодисментов: она настолько понравилась зрителю, что актеров не отпускали со сцены минут пятнадцать».

А вот мнение зрителя: «Зал был полный... В ходе спектакля мы как бы переносимся в разные времена – когда Холстомер еще жеребенок; когда он уже взрослый – и у него появляются чувства; и когда он уже глубокий старик. Вместе с ним мы проживаем его жизнь, чувствуем и страдаем, проходя

эти возрастные метаморфозы. А какая игра актеров! Очень проникновенная. Спектакль длится полтора часа без антракта, и все это время неотрывно смотришь на сцену, забыв обо всем на свете. Глубокий спектакль. Несколько раз наворачивались слезы. История лошади, но как похожа она на историю человека. Bravo!!!

Отрадно, что спектакль, поставленный по произведению нашего великого земляка Льва Николаевича Толстого, прошел на сцене Тульского драматического театра. И еще одно знаменательное событие этого дня – 28 сентября, в день спектакля, исполнился 101 год со дня рождения Георгия Александровича Товстоногова. Огромное спасибо за прекрасно проведенный вечер!»

В Тульском театре произошло еще одно важное событие: презентация книги профессора ТГУ им. И. Джавахишвили Марии Филиной, выпущенной в серии «Русские в Грузии» международным культурно-просветительским союзом «Русский клуб», – «Кавказ... Несомненно страна любви... Лев Толстой». Издание было подарено и Тульской областной универсальной библиотеке. «Не вызывает сомнения, что книга Марии Филиной займет достойное место в библиографии работ, посвященных Л.Н.Толстому. Библиотека искренне благодарит автора и союз «Русский клуб» за подаренное издание», – написали сотрудники библиотеки.

Грибоедовцам приготовили сюрприз: посещение музея-усадьбы «Ясная Поляна».

Экскурсия в святая святых тульской земли произвела на гостей из Тбилиси незабываемое впечатление. Все испытали чувство восторга и счастья, удивились непритязательности толстовского «гнезда». Никакого княжеского размаха и великолепия. Все очень скромно. И на всей территории усадьбы сохранилась первозданность, особая атмосфера. Не остав-

На экскурсии в Ясной Поляне

ляло чувство, что вот-вот – в доме, на аллеях, у пруда, у конюшен, еще где-нибудь, появятся прежние обитатели – Толстые... Описать это состояние невозможно. Нужно видеть, слышать, ощущать всеми органами чувств. В этом путешествии в мир Толстого рядом с грибоедовцами была заведующая отделом научно-исследовательской работы Государственного музея-усадьбы Л.Н.Толстого «Ясная Поляна» Галина Алексеева, способная увлечь своим интереснейшим рассказом любого посетителя. Она не раз подчеркнула, что за годы, прошедшие с толстовских времен, на территории усадьбы практически ничего не изменилось.

– Сегодня весь день был в Ясной Поляне, и это осталось на всю оставшуюся жизнь, – делился впечатлениями художественный руководитель театра имени А.С. Грибоедова, лауреат Государственной

премии Грузии, лауреат премий имени К. Марджанишвили и Д. Агмашенебели Автандил Варсимашвили. – У меня было ощущение, что это пристань. Ощущение рая. Именно в таком месте должен был жить этот величайший человек, творец. Не могу описать словами. Что-то мистическое.

Актеры, набравшиеся новых впечатлений на родине Толстого, вечером с особым творческим настроением, вдохновением вышли на сцену... и покорили зал!

А за Тулой последовал Курск, сцена драматического театра имени А.С.Пушкина. И вновь – радость встречи со зрителями. Успех, успех, успех...

Курская пресса написала: «Впечатлил спектакль, заявленный труппой из Грузии – «Холстомер. История лошади» по мотивам повести Льва Толстого. Безусловно, гастролеры драматического театра имени А.С. Грибоедова

стали настоящим событием в театральной жизни Курска. Как признавались некоторые из зрителей, они были приятно удивлены тем, что в далекой, теперь уже заграничной Грузии, есть настолько профессиональный русский театр. А когда куряне узнали о том, что наш Михаил Щепкин формировал первую труппу театра более 170 лет назад, они были просто счастливы...

Хотелось бы отметить, с каким мастерством поставлены пластические этюды в спектакле. Потрясающая пластика актеров создавала у зрителя впечатление, что они действительно не люди, а лошади. Впечатление дополняют костюмы и сценография, которой минимум на сцене, но она такая говорящая!..

Как только отзвучали последние аккорды музыки в спектакле, в зале еще какое-то время стояла тишина – зрителю нужно было осознать все то, что он увидел. А потом зал

словно взорвался от аплодисментов, устроив грузинским актерам долгую овацию. И единственное, о чем жалела уходящая публика, было то, что Грибоедовский театр привез всего один спектакль».

Во всех городах отмечали важность проекта Федерального центра по поддержке гастрольной деятельности. Так, Владимир Петров, художественный руководитель Воронежского академического театра драмы имени А. Кольцова, на сцене которого проходили выступления грибоедовцев, отметил:

– Раньше все театры ездили на двух- или трехмесячные гастрольные туры по разным городам, сейчас из-за кризиса это уже уходящая натура. Хотя трудно переоценить значимость культурного обмена, происходящего между артистами на гастролях. Отрадно, что Минкульт запустил этот проект, надеюсь, он будет живучим. Особенно трогательно и радостно, что к нам приехала грузинская труппа, несмотря на напряженные отношения между политиками наших стран.

Поддержал В.Петрова директор театра имени А.С. Грибоедова, заслуженный деятель искусств России, заслуженный артист России Николай Свентицкий:

– Мы по-прежнему свято верим, что центроостремительная сила сильнее центробежной, если этим центром является культура. Духовность, творчество, вера, душевное родство людей являются для нас и смыслом, и стимулом, и целью. Пропаганда позитивных образов Грузии и России через искусство, литературу, науку – это самая благородная и благодарная пропаганда, это основа любых взаимоотношений, то, что по-настоящему связывает, а не разъединяет народы.

Овации тульской публики

После спектакля в Курске

На вручении приза фестиваля «Старейшие российские театры». Калуга

Алексей Захаренков в Тбилиси

«ЖИЗНЬ НАЧИНАЕТСЯ ГДЕ-ТО ЗДЕСЬ...»

■ **Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ**

«Посвящение Грузии» – так называлась встреча, которая прошла светлым октябрьским вечером в Доме писателей Грузии. И это был тот счастливый случай, когда слово «Грузия» включало в себя все, чем человек жив, благодаря чему остается человеком – желание и способность дружить и общаться, творить самому и быть сотворцом, бескорыстно и преданно помогать, улыбаться сквозь слезы и уметь прощать.

Как странно, думались мне незамысловатые думки, политики «ломают копыя, ломают луки», а вот – сидят под одной крышей грузины и россияне, говорят на одном языке, поют хором на русском и грузинском. «Люди дружат, а страны – увы», как грустно заметил Андрей Вознесенский.

Так мы и не о странах. А о людях, которые приехали из Санкт-Петербурга представить русско-грузинские проекты зна-

менитого, единственного в своем роде издательства «Вита Нова». Писатель, переводчик Наталия Соколовская, преданнейший наш друг. Композитор и поэт Татьяна Алешина. Основатель и директор издательства Алексей Захаренков.

Наталия Соколовская объяснила смысл и назначение встречи исчерпывающе: «Как говорит герой Андрея Платонова – без меня народ неполный. Русская культура неполна без грузинской, как и грузинская культура – без русской. Желание оставаться в одном культурном поле и подвигает нас на все наши проекты».

Алексей Захаренков рассказывал о «Вита Нова», о книгах, оформленных грузинскими художниками Мамия Малазония и Лореттой Абашидзе-Шенгелия... А еще – пел свои песни. Отрадой было слушать:

...Белая книга, остывший чай,
Снова рука на ее плечах,
Снова щека на его плече...
Жизнь пребывает в таком ключе.

За горизонт упадет звезда.
Утром мой сон ты прочтешь с листа!
Спи-засыпай, выключаю свет.
Жизнь не кончается – смерти нет.

А потом мы беседовали с Алексеем во дворе отеля «Nata» на Винном подъеме. Журчал фонтан, дымился кофе, пригревало нежное осеннее солнышко. Говорить было легко. Потому что, я точно знаю, руку, протянутую с теплом и симпатией, надожать. И тогда все сложится.

– Вы впервые в Грузии, и я не могу не спросить о ваших впечатлениях.

– Отвечу словом, которое я четко выучил: вах! Впечатления, на самом деле, удивительные. Их – море. Но больше всего меня потрясли люди, человеческие отношения. Я такого не ожидал. Хочу пожелать всем, кто проживает в Грузии, удачи, счастья, процветания. Оставайтесь такими, какие вы есть. Потому что вы – совершенно замечательные.

– Спасибо. Такие слова дают надежду на ваш следующий приезд.

– А у нас уже появились планы на будущее. Мы договорились с Мамия Малазония об оформлении новой книги – стихи Франсуа Вийона. Есть идеи еще двух проектов, связанных

А.Захаренков и Нана Нибладзе

с житиями святых, но это озвучивать рановато.

– У «Вита Нова» сложилось, можно сказать, грузинское направление.

– Да, пожалуй, уже складывается. Первым проектом в этом направлении стало издание «Вепхисткаосани». Когда Наталия Соколовская предложила этот проект, и я увидел несколько иллюстраций Лоретты Абашидзе, сомнений не было вообще. В 2007 году «Витязь...» был издан, мы собирались лететь в Тбилиси, чтобы устроить здесь презентацию. Да нет, больше чем презентацию – празднество. Но в августе 2008 года случилось то, что случилось. Правда, наши

тбилисские друзья говорили – приезжайте, все будет нормально. Но изначальная идея разваливалась, потому что презентация должна была пройти на серьезном государственном уровне, а это стало невозможным... Потом мы издали «Жизнеописание Пиросмани» Эраста Кузнецова, дополненное и обновленное. Сделали два проекта с Мамия Малазония – «Грузинские народные сказки» и «Евангелие от Матфея». И наконец-то приехали в Грузию.

– Ничего не меняется в отношениях между людьми.

– Дай-то бог.

– В политике проблемы. Но люди хотят сохранять свою личную дружбу.

– Я родился и 37 лет прожил в Латвии. Ситуация там почти аналогичная ситуации в Грузии. Но охлаждение отношений налицо. В Грузии такого не произошло.

– Как уживаются в вас рижанин и петербуржец?

– Не знаю... Меня всегда тянуло в Россию – поближе к русскому языку. Мне предложили переехать в Питер, и я согласился – сразу, ни секунды не сомневаясь. Сейчас все меня называют петербуржцем. Я себя таковым и чувствую.

– А от рижанина что-то осталось?

– Пожалуй, любовь к холодному морю.

– Вы состоите во Всемирном клубе петербуржцев под председательством Бориса Пиотровского. Чем занимается клуб?

– Много работает с молодежью. Устраивает творческие конкурсы. Следит за состоянием архитектуры города, каждый год издает «Красную», «Белую» и «Черную» книги Санкт-Петербурга – обзор лучших, никаких и худших проектов года. У нашего издательства есть совместные издания с клубом.

– А с вашим издательством театр имени Грибоедова связан именем Эдуарда Кочергина и своим знаменитым спектаклем «Ангелова кукла» по его рассказам и с его сценографией. Расскажите о вашей работе с Эдуардом Степановичем.

– За его творчеством я наблюдал всегда. В «Ангелову куклу», которая изначально издавалась не в нашем издательстве, просто был влюблен. Я предложил Кочергину издать у нас пьесы Чехова с его сценографией. Ход неожиданный. «Опасный», как сказал Кочергин.

А.Захаренков и Мамия Малазония с друзьями на презентации

– А чего он опасался?

– Это были не иллюстрации в привычном смысле, а рабочий материал театрального художника – зарисовки, макеты, фотографии. Но было очень интересно. Книга состоялась, ее отметили все театралы и критики. И у нас Кочергиным сложились постоянные отношения. Я предложил ему перейти к нам. Вместе с «Ангеловой куклой». Мы издали уже шесть его книг. Готовятся седьмая и восьмая. Книги Кочергина переведены почти на 10 языков. Он получил премию имени Довлатова, премию «Национальный бестселлер» и множество других. Но как он поначалу стеснялся того, что его называют писателем! А уж когда мы его печатно назвали выдающимся русским писателем (честно так считая), разразился скандал. Он с нами месяц не разговаривал. Потом мы встретились по работе, он немного оттаял, и мы помирились. А сейчас Эдуард Степанович уже нормально относится к эпитетам в свой адрес.

– У вас сложилась серия «Театральная книга»?

– Нет. Хотя мы издали еще одну подобную книгу – «Маскарад» Лермонтова с полной сценографией Александра Головина. Вообще «Вита Нова» устроена очень просто. Наш издательский портфель – это обычная публичная библиотека со всеми ее залами: парадным, читальным, детским, героическим, волшебным... А по содержанию – углубленная и расширенная школьная программа, вся мировая классика, иллюстрированная и прокомментированная. Комментарии пишутся специально для нас, и они больше чем комментарии – это огромный справочный материал, который сложно или невозможно найти в интернете. Энциклопедия произведения под одной обложкой. После наших комментариев новые сделать будет невозможно еще лет 50, если не больше. Мы соединили глубину академических изданий с одной стороны, и традиции книгопечатания Маркса, Воллара и мирискутников с другой.

– Ваши книги дорогие, ведь, как вы говорите, чтобы сделать хорошо, невозможно делать дешево. Как вы считаете, книга должна быть именно такой?

– Она должна быть разной. Главное, не пошлой. 90 процентов издателей не книги делают, а деньги печатают. Чистый заработок. А о воспитании вкуса и не задумываются. Почему мы начали делать иллюстрированные издания для взрослых? Потому что задумались – чем привлечь внимание в наше непростое издательское время, когда читатель от книги уходит? Нужен манок, магнит. Мы привлекаем к работе самых интересных художников России и зарубежья – Грузии, Беларуси, Украины, США, Франции, Великобритании... С нами сотрудничают около 100 художников. Михаил Шемякин, Юрий Норштейн, Сергей Алимов,

На проспекте Руставели

Владимир Зуйков, Борис Заборов, Трауготы... Иногда очень правильные люди, уважаемые мной, задают такой вопрос – как вы выживаете? Любую книжку можно сделать месяца за три. Ну, за полгода. Наши книжки, вы не поверите, делаются минимум по два года каждая. Есть книги, которые мы готовили по семь, по девять лет. Работает художник, создается макет, пишутся комментарии, делаются три-четыре корректуры... Макет серии «Священные тексты» – только макет! – наши четыре дизайнера делали четыре года. Даже больше. Мы работаем с такими текстами и такими профессионалами, что ответственность огромна. Деваться некуда – приходится соответствовать.

– Может быть, это и есть ваша рижская составляющая? Знаете, мне рассказывали, как работают реставраторы в Прибалтике – сперва в течение 20 лет изучают архитектурный объект, и лишь потом начинают реконструкцию. Работают очень долго. Но делают это лучше всех.

– Мы так и работаем. Хотя, знаете, мы уже переросли по-

нятие издательства как такового. Скорее всего, «Вита Нова» – это арт-проект. Мы провели более 300 выставок в России и за рубежом, в том числе, в Эрмитаже, в Русском музее, в Музее изобразительных искусств имени Пушкина. У нас крупнейшая в России коллекция книжной графики. Как все начиналось? Когда мы в 2002 году издали «Мастера и Маргариту» с иллюстрациями Геннадия Калиновского, я настолько влюбился в одну иллюстрацию, что не вытерпел и поехал в Москву, чтобы ее купить. «Э, опоздали! – сказал мне художник. – Вчера приехал Эрнст и все купил на корню». Константин Эрнст, кстати, очень серьезный коллекционер и книжник. Меня задушила такая жаба! И я понял, что больше ничего никому не отдам. На следующей книге – это была «Лолита» в иллюстрациях Клима Ли – я предложил указать в договоре, что иллюстрации остаются в издательстве. Художник согласился, и теперь это стало правилом. Но мы не сидим, как собака на сене, на нашей коллекции. Проводим до трех выставок в месяц на разных площадках. Очень много дарим. И нам много дарят. Собралась музейная коллекция памятных вещей, раритетов – это автографы, рукописи, даже предметы мебели. Дай бог, чтобы никогда не пришлось бы распродавать.

– **Такое может произойти?**

– В России издательский бизнес идет под уклон. Сжимается, как шагреновая кожа.

– **Сокращается читательский круг?**

– На самом деле его и не было, этого круга. «Самый читающий народ в мире» – советский миф. Это просто история книжного дефицита в СССР.

– **Вы – бизнесмен, и должны быть прагматичным, жестким. Но вы – и бард. А это, наверное, подразумевает известное бескорыстие. Как в**

вас сочетаются взаимоисключающие качества?

– Наше издательство – не бизнес. Мы существуем на деньги, которые зарабатываем. У нас нет ни свечного заводика, ни нефтяной скважины, ни спонсора. Нам скоро 17 лет, и, верьте-не верьте, но работаем в ноль. Слава богу, что не в минус. Деньги мешками не носим, но на хлеб насущный хватает. Зарплаты у нас маленькие, но не ниже зарплат в издательском пространстве. Никакой холодной расчетливости у меня нет. Считаю я только на калькуляторе, да и то – складываю и вычитаю. Умножать не умею. Для меня это совершенно неведомая стезя. Вообще в издательстве я оказался благодаря своей привязанности к поэзии, стремлению быть ближе к слову. Эти две параллели – издательскую и бардовскую – я очень долго разделял. И скрывал, что еще и на гитаре бренчу. А потом все слилось. И я себя очень комфортно чувствую. Работа с буквами, со словом так или иначе ведется. Я издатель и не издатель, бизнесмен и не бизнесмен, бард и не бард.

– **Вы следите за тем, что происходит в бардовской песне?**

– Нет, не слежу. Песня у костра – это, конечно, не мое. У меня есть небольшой, очень любимый круг в жанре поэтической песни – Виктор Луферов, Владимир Бережков, творческое сообщество «АЗиЯ». Я их очень люблю. Уверен, такого братства, как у бардов, не существует ни в одной творческой среде мира. Это точно. Барды расселились по всему миру. И если мне что-то понадобится, например, в Квебеке, я найду там барда, и он поможет. Это удивительные люди. Сейчас, правда, немного разошлись по политическим взглядам. И все же негласное братство существует. Я на себе это проверил.

– **Что у вас сейчас в работе?**

– Надо вспомнить... Я здесь больше недели не думал о работе. Предстоит отчет о нашей поездке в Грузию в ПЕН-клубе. Затем мы с Кочергиным летим в Ригу по вопросу его новой книги. Потом – Москва, презентация книги Александра Галича в Доме русского зарубежья имени Солженицына. Впервые издан иллюстрированный Галич. Фантастическая книга! Иллюстрации Давида Плаксина, комментарии Павла Матвеева. Затем будет фестиваль детской книги в Центральной детской библиотеке Москвы, в котором мы примем участие.

– **Просто чудо, что при таком плотном графике вы смогли вырваться на неделю в Грузию.**

– У меня очень хорошая команда. Я придумал себе такую формулировку: я – начальник отдела кадров. Моя задача – подобрать и заинтересовать коллектив. И тогда все получится.

Жюри фестиваля

СТРУНЫ «ЭМИГРАНТСКОЙ ЛИРЫ»

■ Владимир ГОЛОВИН

Послушать и самому почитать стихи во дворце XVII века... Полистать журналы русского зарубежья на склоне живописного парка, у канала, где степенные мадам и месье кормят лебедей... Пройти по узким средневековым улицам рядом с комиссаром Мэгре и королем Карлом Великим... Сфотографироваться у Собора Парижской Богоматери с новыми друзьями-поэтами из полутора десятка стран... Все это – лишь небольшая часть уникального литературного форума – Всемирного фестиваля русской поэзии «Эмигрантская лира». Нынешним летом он уже в восьмой раз прошел в Бельгии и во Франции. Получив приглашение представлять на нем Грузию, автор этих строк отправился на берега Масса и Сены с командировочным удостоверением Международного культурно-просветительского Союза (МКПС) «Русский клуб» в кармане. Мы мало знаем и об «Эмигрантской лире» и о замечательном городе Льеже, поэтому позволю себе поделиться тем, что было в той поездке.

ЕДИН ВО МНОГИХ ЛИЦАХ

Организатор фестиваля – поэт и ученый Александр Мельник. Стоит послушать, как он говорит о себе: «Я – бельгиец русского происхождения, родившийся более полувека назад в украинской семье в Молдавии. Другими словами, я обрусевший украинец, проживший всю свою сознательную жизнь в России, а нынче живущий в Бельгии». Как это часто бывает в хорошей литературе, образование его далеко от гуманитарного, по специальности

он морской геодезист. Окончив Московский институт геодезии и картографии, был научным сотрудником одного из институтов знаменитого Сибирского отделения Академии наук СССР, картографировал дно Байкала, использовал космическую информацию для исследования экологических проблем Байкальского региона. После распада СССР ушел в бизнес, но расстаться с наукой не смог и оказался... в Бельгии.

Чем же он занимался в этой стране? В университете студенческого городка Лувен-ла-Нев под Брюсселем получил диплом по специальности «картография и космические методы исследований», потом – докторантуры в Свободном университете Брюсселя и Льежском университете, защита начатой в России диссертации по управлению природными и антропогенными рисками Байкальского региона, звание доктора наук. Пару лет преподавал географию в одном из брюссельских институтов. А о дальнейшем Александр рассказывает так: «Диссертацию я защитил по бельгийским меркам поздно – в 39 лет, поэтому исследовательская работа в местном университете была уже не для меня. Преподавание же зависит от случайных контрактов... Поэтому параллельно научной стороне жизни стал развиваться небольшой бизнес – мы купили в Льеже книжный, а точнее, газетно-журнальный магазин. Работа в нем довольно хлопотная – с шести утра до шести вечера, но зато ты сам себе хозяин и в промежутках между посещениями покупателей можно заниматься любимым делом. Ограничить себя стенами магазина для меня рав-

носило заточению в тюрьму, и я сразу же начал эти стены «пробивать». Взрывным устройством оказалась поэзия, я полностью сконцентрировался на «Эмигрантской лире».

Добавлю: на поэзии. Своей и чужой.

Это легко можно понять. Поэзия привлекала Александра со школьных лет, всерьез стал писать, будучи студентом, редактором его первого сборника был известный поэт Бахыт Кенжеев. Всего же у него пять книг, из которых три – поэтические. Его публикуют в России, Латвии, Бельгии, Великобритании, Израиле и Финляндии. Он – финалист Международного поэтического турнира «Пушкин в Британии-2005», лауреат Международного поэтического конкурса «Я ни с кем никогда не расстанусь» среди соотечественников, пишущих на русском языке, участник IV Международного русско-грузинского фестиваля «Мир поэзии – мир без войны», проведенного МКПС «Русский клуб». Кстати, после этого фестиваля появилось философско-шутливое стихотворение «Грузинские метаморфозы»:

Под золотистый шашлык допив гремучую чачу,
постыжаемого монаха выгнав из сердца вон,
свою предыдущую жизнь воспринимаешь иначе –
как медленное парение под колокольный звон.

Чертенок, дремавший во мне, дождался белого флага.
Я свой бастион аскетизма ему отдаю за так.
Дорога в тысячу ли начинается с первого шага
и я, мой брат-гедонист, отныне рагу не враг.

Мы будем с тобой вдвоем, сражаясь за правое дело,
под «Киндзмараули» всю ночь бичевать мировое зло.
В подсырке моем – лаваш, а в патронташе – чурчхела,
но Баба Яга тайком сядет на помело,

и чтобы ее догнать, я стану на миг аскетом,
включу на полную мощь мыслительный аппарат.
Яга не пройдет, и ты пыхнешь, смеясь, сигаретой,
грузинский мой сибарит, которому черт не брат.

Главное же его достижение – мега-проект «Эмигрантская лира», ставший основным делом жизни. Еще в 2004-м на набиравшем популярность сайте «Стихи.ру» (сегодня, увы, наряду с хорошими стихами там очень много графоманства) Мельник запустил «пробный шар» – сделал три поэтических обзора по темам, которые впоследствии стали номинациями всех проводимых им фестивалей: «эмигрантские стихи о родных географических и культурно-языковых корнях, о странах нынешнего проживания, об эмиграции и ностальгии». С годами к этому «Эмигрантскому вектору» прибавились конкурсы переводчиков, эссеистов и «Неоставленная страна». В последних двух я и представлял Грузию.

Первый Всемирный поэтический фестиваль состоялся в 2009 году, а сейчас название «Эмигрантская лира» носят еще и Международный поэтический интернет-конкурс, выездные поэтические вечера (мини-фестивали), проведенные в Москве, Кельне, Париже, Нью-Йорке, Иерусалиме, Амстердаме и Кишиневе, литературно-публицистический журнал, а также зарегистрированная в Бельгии некоммерческая ассоциация. Она-то и организует все перечисленное. И в каждом из этих проектов (как и у стеллажей книжного магазина) рядом с Александром верный соратник и помощник – жена, очаровательная Оксана Коношонкина. «Если бы не ее бесконечное терпение, в лучшем случае все ограничилось бы одним лишь проведением фестиваля», – признается Мельник. К счастью, не ограничилось. Супруги стали учреди-

Александр Мельник

телями ассоциации, объединившей все остальные проекты. Третий учредитель – русская дворянка Майя Дурасова, праправнучка Карла Мердера, первого воспитателя Александра II.

– Да, я начинал один, но теперь в орбиту «Эмигрантской лиры» вовлечены сотни людей, без которых проект не состоялся бы. У меня есть ближайшие соратники, есть члены жюри, есть члены редколлегии журнала, есть, наконец, люди, которые присылают стихи на конкурсы. Это большая часть нашего русскоязычного мира за рубежом, – уточняет Александр.

А результат – вот он: в 2014 году Мельник вошел в шорт-лист «Русской Премии» (специальный приз «За вклад в развитие и сбережение традиций русской культуры за пределами Российской Федерации»), а журнал «Эмигрантская лира» по итогам читательского голосования был признан лучшим журналом портала «Мегалит».

НА УЮТНЫХ БЕРЕГАХ МАССА

С миром «Эмигрантской лиры» я был знаком заочно – публиковал стихи на ее сайте, а в августе нынешнего года уже окунулся в самую гущу событий. Масштаб этих событий был солиден. Как следует из пресс-релиза, с учетом отборочного этапа в нынешнем фестивале участвовали 120 человек. На финальную стадию приехали 55 поэтов из Беларуси, Бельгии, Великобритании, Германии, Грузии, Израиля, России, США, Украины, Финляндии, Франции, Чехии и Эстонии.

Все началось с Брюсселя. До открытия фестиваля бродили по городу, который бельгийцы считают столицей Европы. Именно так – не Париж, не Лондон, не Рим, а Брюссель! Мотивируют это тем, что здесь – штаб-квартира Евросо-

юза и офис НАТО. С этим можно соглашаться или нет, но величественный центр города воистину столичный. Попав туда, мы оказались в... Пентагоне. Нет, с американскими военными никакой связи, именно так бельгийцы называют старую часть города. Испокон веков, задолго до рождения НАТО. Здесь смешано все – витрины со знаменитым шоколадом и не менее знаменитым пивом (2.400 сортов только в одном кафе «Делириум»!), памятники историческим личностям и по-хулигански выглядящий Manneken Pis – ставшая символом Брюсселя миниатюрная бронзовая фигура фонтана – мальчик, справляющий малую нужду в бассейне... На выходе из церкви святого Николая нас встретил пивной поезд – вагончик с лихими любителями пива, на зависть многим разъезжающий по городу. А с другой стороны церкви все серьезней – фонтан увенчан скульптурой, в которой легко узнаются слепцы со знаменитой брейгелевской картины. Вообще имя Питера Брейгеля Старшего звучало на протяжении всей экскурсии по Брюсселю с неповторимым местным прононсом, казалось, мы прослеживаем каждый шаг великого художника, вплоть до церкви Нотр-Дам де ла Шапель, в которой он упокоился.

Вечером в Российском центре науки и культуры в Брюсселе знакомство участников фестиваля друг с другом продолжилось. Здесь прошли официальное открытие фестиваля и музыкально-поэтический вечер «Лиры». По завершении – ночной бросок на маршрутках в Льеж, основное место проведения фестиваля. Там – место обитания трех поколений российских эмигрантов, там сохранилась русская диаспора и действуют два православных храма. Словом, самое место для пишущих на великом и могучем...

И о погоде, как говорят в информационных вы-

В Свободной республике Утремез с комиссаром Мэгрэ

Презентация печатной продукции «Русского клуба»

пусках. Хозяева утверждали, что именно наша пишущая братия привезла с собой солнечные дни – обычно в это время года уже бывает дождливо. Приятно было при такой погоде пройтись по самому большому рынку Европы «Марше де Блат», который каждое воскресенье открывается на набережной реки Масс, по местному – Мез. И после этого участвовать в презентации привезенных на фестиваль изданий.

Над головой – никакой крыши, раскладные стулья прямо на газоне у канала в чудесном парке Бовери. Там и повели разговор. Под аккомпанемент водопадающих представлялись журналы «Эмигрантская лира» (Бельгия), наш «Русский клуб», «Интерпоэзия» (США), «Стетоскоп» (Франция), «Грани» (Россия) и российский же альманах «Золотое руно». Для меня этот день был вдвойне приятным: издания МКПС «Русский клуб» – и журнал, и книги из серии «Русские в Грузии» – были приняты на «ура». Потом авторы журналов и альманаха читали свои стихи.

Вечером все собрались уже в камерной обстановке, в похожем на красочный пряничный домик дворце Курциуса с более чем 400-летней историей. Сегодня он – одна из главных достопримечательностей Льежа, входит в музейный комплекс Grand Curtius. Именно его по-современному оборудованный конференц-зал – основное место проведения фестиваля. Но в тот раз стихи читали не мы, был большой вечер разноязычной поэзии «Созвездие Лиры». Иностранцы поэты фестиваля выступали на французском, немецком, арабском... Нам их переводили.

Пора для конкурсов не настала и на следующий день. Члены жюри Андрей Грицман из «Интерпоэзии» и Даниил Чкония из «Эмигрантской лиры» провели для желающих мастер-класс «Поэт и ре-

дактор». Эта тема продолжилась и в обсуждении взаимоотношений пишущих с редактирующими. Затем – прогулка по степенному, уютному, приветливому Льежу, которая закончилась тем, что все разбрелись в одном из старинных кварталов города. Разбрелись, чтобы поучаствовать в традиционном празднике... Свободной республики Утремез.

Так когда-то назвали свой островной район его жители, не желавшие терять независимость и подчиняться городским властям. А поскольку это были в основном бедняки, обожавшие театры марионеток и уличные развлечения, то теперь в этом месте проводится фольклорный праздник. Он настолько популярен, что на него съезжаются тысячи людей не только со всей Валлонии – франкоязычной части Бельгии, но и из других стран. Колоритные улочки, небольшие площади заполняет многолюдное веселое действо, этакая смесь грузинского берикаоба и бразильского карнавала, еврейского пурима и русских ряженых. В шествии, которое радостно приветствуется с переполненных тротуаров, сменяют друга всевозможные оркестры и веселые ведьмы, трубачисты и придворные дамы, страшилы, которые не пугают, а веселят. И, конечно же, гигантские фигуры исторических личностей, родившихся в Льеже – королей Шарлеманя (Карла Великого), Пипина Короткого, писателя Жоржа Симеона в облике комиссара Мегрэ, других местных знаменитостей. Ну, как тут не пройти вместе с ними!

В общем, организаторы фестиваля постарались перед его началом развлечь нас по полной программе. Но, как известно, делу – время, а потехе – час. Деловое время началось с конкурса эссе. Его, как и все остальные конкурсы, оценивало жюри, возглавляемое, естественно, Александром Мельником. В «судейский корпус» вошли Андрей Грицман из Нью-Йорка, Олег Дозморов из Лондона, Татьяна Перцева из Хельсинки, Александр Радашкевич из Парижа, Наталья Резник из Колорадо, Даниил Чкония из Кельна и Михаэль Шерб из Дортмунда. Для эссе нам предложили «Тему России в современной поэзии русского зарубежья», так что я попытался проанализировать, как

Дворец Курциуса

же вспоминали об этой стране в последнее время тбилисские поэты, пишущие на русском языке. И уж если делился этим с иностранцами, как не поделиться основными отрывками с читателями нашего журнала?

«Я не могу писать тебе стихов – ни той, что ты была, ни той, что стала...» Почему горькие слова, написанные Константином Симоновым в дни разрыва с любимой, вертятся в голове? А это я листаю сборники тбилисских поэтов, вышедшие в последние годы на русском языке. Листаю в поисках стихов, посвященных России. Их мало, очень мало. Разрыв культур? Нет, этого к счастью, не произошло... Русскоязычную поэзию в Тбилиси представляют три поколения. Первое – те, кто начали писать еще до распада СССР и стали за прошедшие десятилетия зрелыми мастерами. Второе – те, для кого рифмотворчество было отдушиной в трудные 90-е годы, которые в Тбилиси называют «плохими временами». Третье – те, кто пришли в литературу уже в XXI веке... А вот стихов о России – все меньше... Словно язык и культура отделились от страны-носителя и существуют отдельно, цветут себе на бе-

Вручение наград «Эмигрантской лиры»-2016

регах Куры, не помяная имени родины. Парадокс? Нет, скорее, реакция на шок. Да, именно шок – от нелепой войны 2008 года, от бездарной политики бездарных правителей, толкающих две единоверные, очень близкие по духу страны к черте раздора и ненависти. Повальной ненависти не случилось, но молчание зависло...»

В первую очередь, это молчание относится к молодым. Разобрав стихи не молчащих представителей двух первых поколений (Инны Кулишовой, Георгия Чкония, Людмилы Орагвелидзе, Михаила Ляшенко, Игоря Малько, Елены Черняевой, Дмитрия Лоскутова, Ирены Кескюль), я задумался о третьем поколении: «А что ты можешь написать о стране, в которую тебе уже много лет перекрыт путь?.. Балладу о том, как чертовски трудно получить визу? Те, кому сейчас 25-30 лет, кто никогда не видел, как разводят мосты над Невой, не чувствовал, как кружит голову тополиный пух на московских улицах, не стоял под знаменитыми березами? Что могут они написать о России? Вот и не пишу... «Конечно же, все дело в причастности к России. То есть, если человек жил там, учился, ездил к родственникам и друзьям, тогда он ощущает связь, – считает тбилисский литературовед и издатель Анна Шахназарова. – Но молодых не «грызут» российские проблемы, они именно русскоязычные: русское для них – лишь языковая среда, сама Россия – абстракция. Они оперируют русским языком, но являются «предметом» местной жизни. Они – часть Тбилиси, Тифлиса, но не России»... Дай Бог, безвизовый режим наконец введут, и смогут тбилисские поэты увидеть страну, на языке которой они пишут. Тогда и стихи пойдут. Только бы не закончилась вся эта долгая-долгая история, как в стихотворении у Симонова: «Я просто разлюбил тебя. И это мне не дает стихов тебе писать». Жюри дало за эту работу третье место.

И еще один приз – специальный, присуждаемый обладателем двух наград «Русской премии» Даниилом Чкония, уехал со мной в Тбилиси. Он по праву принадлежит этому городу. Формулировка приза – «За стихи о родном городе». Если бы не было Тбилиси, не было бы и этих моих стихов.

Победителями «Эмигрантской лиры» стали: Михаил Богатырев из Франции (конкурс эссеистов), Дмитрий Смирнов-Садовский из Великобритании (конкурс поэтов-переводчиков «Свеча толмача»), украинка Ия Кива (конкурс «Неоставленная страна») и россиянка Елена Зейферт (конкурс «Эмигрантский вектор»).

«УВИДЕТЬ ПАРИЖ И УМЕРЕТЬ»

Кто только не вспоминал эти слова Ильи Эренбурга, впервые отправляясь в Париж! Не миновала эта знаменитая цитата и многих участников фестиваля, приехавших в столицу Франции на официальное закрытие «Эмигрантской лиры-2016». В том числе и меня. Закрытие прошло в учебной аудитории Свято-Сергиевского храма после того, как отзвучали стихи поэтического вечера «Эмигрантская лира» в Париже. Она совсем не похожа на Париж

в общепринятом представлении, эта территория Свято-Сергиевского православного богословского института. На холме тихой улицы, утопающая в зелени, чем-то даже напоминающая один из горных курортов над Тбилиси... Оттуда удалось пройти уже по традиционному туристическому маршруту, по местам, где ощущаешь себя в компании знаменитых людей и литературных персонажей. И родилось такое стихотворение:

Я увидел Париж. И не умер.
Я мгновенью сказал: «Погоди!»
Я ходил в мушкетерском костюме
и абсент покупал для Моды.

Я держал микрофон Азнавура,
у Гобсека брал евро в кредит,
я автограф просил у Гонкуров
и билет покупал на Эдит.

На ступенях у стен Сакре-Кера
мы с Чарнотой распили коньяк.
Робеспьер мне навязывал споры
и хихикал вослед Растиньяк.

«Мулен-Руж» подарило веселье,
Нотр-Дам подарил свою сень...
Ах, как много в Париже успел я...
Я в Париже провел целый день!

Участники фестиваля в Париже

Уверен, тот, кто впервые побывал в Париже, да еще в компании поэтов, меня поймет. А рассталась эта компания именно на берегах Сены. С надеждой на новые встречи. И я жду вас на берегах Куры, мои новые друзья – Юрий Портной из Израиля, Елена Ларина и Марина Викторова из Эстонии, россияне Игорь Шестаков, Светлана Пешкова и Анна Фуникова, Михаил Богатырев из Франции, Галина Ицкович из Америки, Дмитрий Смирнов-Садовский из Англии, Михаил Жиляк и Валерий Дворников из Бельгии, Ирина Карпинос из Украины... И, конечно же, жюри в полном составе. А на любой земле паролем при встрече нам будут два слова: «Эмигрантская лира».

Марк Андроников

Родом из истории

■ Ирина ДЗУЦОВА

В первые же минуты нашей беседы я поняла, что представляю его грузинским читателям. Я слушала парижанина, который так много знает о своей родословной, славных предках и их жизненных историях. Марк Константинович Андроникоф (так звучит и пишется его фамилия по-французски, с одной буквой «ф» на конце) – сын знаменитого Константина Андроникова, племянник Саломе Андроникашвили, потомок многих славных и известных представителей древнейшего грузинского рода, тесно связанного с грузинским царским домом. Согласно легенде, род Андроникашвили восходит к византийскому императору Андронику Комнелу (царствовал с 1183 г. по 1185 г.). Его отцом был Исаак Комнен, сын византийского императора Алексея, а мать, по одной версии – Ирина, дочь звенигородского и перемышльского князя Володаря Ростиславовича (правнука Ярослава Мудрого), по другой – Катерина (Ката), дочь грузинского царя Давида IV Строителя (1089-1125). После смерти Андроника дети его Ирина и Алексей бежали в Грузию ко двору царицы Тамар (1179-1213). В грузинских летописях эта фамилия появляется в 1558 г., в 1783 г. царь Ираклий II включил ее в список кахетинских князей, а в 1826 г. двадцать два потомка Гарсевана Андроникашвили признаны в княжеском достоинстве Российской империи под фамилией «Андрониковы».

Среди предков Марка Андроникова был и из-

вестный военачальник Малхаз (Мелхиседек) Андроникашвили (1775-1822), его жена Мариам (Майя) Арчиловна Багратиони (умерла в 1854 г.), и их сын Иван (родился в 1798 г., участник нескольких войн, генерал-лейтенант). Они изображены на двух портретах неизвестного художника начала XIX в., хранящихся в Государственном музее искусств Грузии им. Ш.Амиранашвили: «Юноша в черном» и «Женщина с ребенком». В 1910г. их передала Историко-этнографическому обществу Грузии жительница села Мелаани (Кахети) Тинатин Джорджадзе-Андроникашвили.

История рода Андроникашвили богата и разнообразна. Ее представители отличились и на военном поприще, и на дипломатической, и на государственной службе, и в науке. Андроникашвили состояли в родстве со многими аристократическими семьями Грузии. Среди предков Марка – Иосиф Захарьевич Андроникашвили (1855-1940), построивший в Грузии первые железные дороги и известный своей дружбой с композитором Петром Ильичем Чайковским; Иван Захарьевич (1862-1947) – голова Батуми в 1902-1916 гг., основатель журнала «Сельское хозяйство»; Софья Захарьев-

Яссе Андроникашвили. 1916

на (1877-1954), открывшая школу для детей рабочих винных подвалов в Цинандали. За свою благотворительную деятельность она имела от Николая II золотые часы с короной и дарственную грамоту.

Стоит упомянуть и Тинатин Джорджадзе-Андроникашвили (1890-1983), жену племянника композитора и пианиста Сергея Ивановича Танеева (1856-1915). Прабабушкой Марка была племянница поэта и писателя Алексея Николаевича Плещеева, Лидия Николаевна Плещеева (1861-1953). Софья Захарьевна Андроникашвили была замужем за дворянином Ильей Ломидзе, управляющим поместьем князей Чавчавадзе в Цинандали. Их внучка Тинатин (1911-1999) была замужем за академиком, физиком-ядерщиком Элевтером Луарсабовичем Андроникашвили (1910-1989), братом писателя и литературоведа Ираклия Андроникашвили (1908-1990).

Дед Марка, Яссе Иванович Андроникашвили был актером и поэтом, прекрасно танцевал (в 1918-1919гг. он выступал в Тифлисе на эстраде музыкального театра «Кривой Джимми»). Он был женат на Елене Константиновне Вахтер. Ее отец был видным русским предпринимателем, тайным советником, кавалером ордена Св. Владимира 2-ой степени и Св. Анны I-ой степени. Супруги имели единственного сына Константина (1916, Петроград

– 1997, Париж). Мать с маленьким сыном приехали из Петрограда во Францию в 1920 г. Е. Вахтер осталась верной любви к Яссе всю жизнь и дала сыну прекрасное образование.

Будущий переводчик (с русского и английского языков) трех президентов Франции (Шарля де Голля, Жоржа Помпиду и Валери Жискар д'Эстена) учился в Сорбонне и Богословском институте в Париже. В 1947 г. он получил французское гражданство, был деканом и профессором Института православного богословия Св. Сергия в Париже на протяжении 25 лет. Он основал Высшую школу переводчиков в Париже и Международную ассоциацию переводчиков. Был кавалером Ордена Почетного легиона.

Философ и богослов Константин Андроникашвили перевел многие богословские и религиозно-философские труды Павла Флоренского, Николая Бердяева и Сергея Булгакова. Он – автор книг «Смысл литургии», «Смысл таинств» и «Взбираясь на смоковницу».

Современники К.Андроникашвили знали его как человека неповторимой интеллигентности и

Саломе Андроникашвили

духовной целостности, скромным и отзывчивым. В браке с Натальей Курис К.Андроникашвили имел троих детей: Мануила (1947-1995, математик), Анну (родилась в 1949 г., профессор психологии Парижского университета) и Марка (родился в 1960 г., врач, заведующий отделением скорой медицинской помощи в больнице города Клармар, под Парижем). Марк и есть мой собеседник, с которым я познакомилась благодаря нашей соотечественнице Нателе Лагидзе – эксперту ЮНЕСКО.

Высокий, статный, с грузинскими чертами лица, интересный собеседник, он прекрасно знает историю своих предков, обладает большим семейным архивом. В Грузии у него есть родственники, с которыми он часто общается. Впервые Марк побывал на исторической родине в Тбилиси весной 1982 г. и тогда же много узнал о судьбе своих слав-

ных родственников.

Марк рассказывал мне о своем деде Яссе и его сестре Саломе Андроникашвили. Вместе с отцом Марк часто навещал ее в Лондоне и хорошо помнит эту высокую статную женщину. Да, это та самая блистательная современница «Серебряного века» русской поэзии. Она славилась своим умом, обаянием и остроумием. Саломе дружила с Анной Ахматовой, Осипом Мандельштамом, Мариной Цветаевой. Ее портреты писали художники Василий Шухаев, Александр Яковлев, Василий Петров-Водкин, Зинаида Серебрякова, Борис Григорьев, Савелий Сорин. Кстати, ее портрет работы З. Серебряковой ныне хранится в Гос. музее искусств Грузии им. Ш.Амиранашвили. Согласно завещанию Саломе Андроникашвили, в 1982 г. в музей портрет привез ее друг, известный коллекционер русской живописи, князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский. Муза XX века всегда интересовалась новостями из Грузии, вспоминала Ладю Гудиашвили, Тициана Табидзе, Паоло Яшвили и Илью Зданевича, друга юности.

Из рассказов Марка я узнала, что он является автором нескольких книг и множества научных работ по медицине. В 2009 г. в Санкт-Петербурге (издательство журнала «Звезда») он опубликовал книгу «Я просто шел, не ведая куда...», посвященную истории его семьи на основе сохранившихся писем деда Яссе Андроникашвили к родным с 1904 г. по 1937 г. В этом роковом году Яссе был

Переводчик К.Андроников на встрече Шарля де Голля и Никиты Хрущева

Лидия Плещеева

расстрелян в местечке Сандармох в Карелии. Только в 1997 г. через общество «Мемориал» Константин Ясевич узнал о трагической гибели своего отца.

Письма сопровождаются комментариями и пояснениями самого Марка Андроникова. В книге помещены и стихотворения Яссе Андроникашвили (1913-1932 г.), отличающиеся прекрасным возвышенным слогом, искренностью большого таланта. Здесь и стихотворения, посвященные Грузии («Не горы я люблю, а родину свою»), Метехи, Анне Ахматовой («Меня пленил твой голос нежный»), а также своей любимой матери Лидии Николаевне Плещеевой.

В 2015 г. Марк Андроников издал другую книгу – свое первое историческое произведение «Царица Тамар» (Москва, издательство «Вече»). Книга состоит из 29 глав с эпиграфами из строк поэмы «Витязь в тигровой шкуре» (в переводе Николая Заболоцкого). Повествование ведется от имени дочери императора Андроника Ирины, после смерти отца нашедшей кров и защиту при дворе царицы Тамар.

Приятно и удивительно, что в книге Марка Андроникова сохранена историческая канва сюжета, имена исторических персонажей, факты, события и даты времени правления грузинской царицы.

Все это лишь подтверждает, что автор романа прекрасно знает историю Грузии (в частности, историю XII века), хорошо знаком с творчеством Шота Руставели – произведением, «подобного которому нет», по выражению Марка. Марк Андроников – как грузин – понимает, что «царство Тамар стало самым процветающим государством и на Востоке, и на Западе». То, «что сотворила Тамар в наших сердцах, никто не сможет разграбить или разрушить». Она «освещала весь мир лучами мудрости, справедливости и праведности».

Для воссоздания эпохи царицы Тамар и ее об-

Анн Андроникова

раза Марк Андроников пользовался исторической литературой грузинских авторов (благо, их труды имеются в личной библиотеке автора). Он также обращался за советами и информацией к современным специалистам, грузинским историкам. Невозможно не восхищаться усилиями Марка Андроникова. Книга удалась: написана живо и увлекательно.

У Марка Андроникова и его жены Надин Бартелеми (в браке они с 1990 г.) четыре сына: Михаил, Иван, Киприан и Яссе. У него две племянницы – Елизавета и Татьяна, и племянник Дамиан, дети сестры Анны. У его покойного брата Мануила остались дети Верена, Алексей и Нина. Почти все они живут и работают во Франции.

Марк Андроников бережно хранит семейный архив (хотя многое уничтожил пожар в отцовской квартире в 1994 г.), целенаправленно ведет поиски новых документов, касающихся рода и судь-

бы своих предков Андроникашвили, записывает воспоминания тех, кто знал и помнил некоторых из них. С большим удовлетворением Марк Андроников принял от меня в дар все, что на протяжении многих лет хранилось в моем личном архиве и в связи с родом Андроникашвили (мои статьи и книгу «История двух портретов» на грузинском языке (2016 г.), а также статью А.Енгоян о К.Андроникове в газете «Вечерний Тбилиси» 1997 г.).

В короткой статье невозможно рассказать подробно о славных представителях рода Андроникашвили, но мы должны помнить, что с этой фамилией тесно связаны имена поэтов и писателей Григола Орбелиани, Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели, Николоза Бараташвили, Александра Чавчавадзе, Рафаила Эристави, художников Николоза Абхази и Зураба Церетели...

Перечисляя эти известные имена, невозможно не упомянуть потомков фамилии Андроникашвили: бывшего научного работника Музея искусств Грузии Ираклия Константиновича Джандиери (1928-2003) и известного в свое время реставратора Анастасию Давидовну Джандиери (урожденная Бараташвили). Из родовой ветви князей Андроникашвили происходят знакомые всем наши соотечественники: кинозвезда Нато Вачнадзе, ее сыновья, кинорежиссеры Эльдар и Георгий Шенгелая, писатель Борис Андреевич Пильняк (1894-1934), по матери (сестра Наты Вачнадзе, Кира) – Андроникашвили.

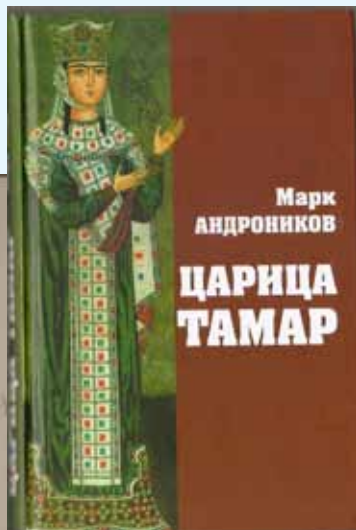
Обликом, речью, манерой поведения Марк Андроников отвечает понятиям о подлинном аристократизме. Он остается верен своему княжескому достоинству. В нем явно ощущается то грузинское, что ему самому так нравится в его соотечественниках: глубокая одухотворенность. Уважение к традициям сочетается в нем с живым восприятием жизни, он буквально излучает энергию первооткрывательства.

От общения с Марком Андрониковым у меня остались самые позитивные и приятные впечатления. Я мысленно представляла себе его славных предков и вспоминала об их судьбах. Канва их жизни ныне воспринимается как миф, свободный от пут времени.

Марк Андроников живет обогащенный историей своего знаменитого рода, преданный своему профессиональному долгу и прекрасной семье. Надо думать, и его сыновья пойдут по пути отца, останутся верными памяти и чести своего древнего рода – Андроникашвили – и своей прародины – Грузии.

Мануил Андроников

Кадр из фильма «Красные дьяволята»

«АФРО-ТИФЛИСЦЫ» БАШИР И КАДОР

■ Владимир ГОЛОВИН

Одна из многочисленных тбилисских легенд, дошедших до наших дней, родилась на улице Калинина, ныне носящей имя Иванэ Джавахишвили. Здесь и сегодня стоят строения, примечательные для жителей этой улицы (да и не только для них) католический собор святых Петра и Павла, православная церковь Александра Невского, кондитерская рядом с ней и... пожарная команда. Десятилетия назад именно она (сегодня уже перестроенная и переоборудованная) собирала немало зевак. То, что сюда прибегали мальчишки, понятно: ну как не поглазеть на красные блестящие машины и тренировки лихих бойцов огненного фронта в диковинных брезентовых одеяниях. Взрослые же приходили подивиться на одного из бравых пожарных — он был чернокожим. Это сейчас на тбилисских улицах никого не удивишь черными парнями, а в 1940-60-х годах трудно было представить, что в Тбилиси их больше одного-двух. И родилась легенда о том, что чернокожий пожарный — тот самый африканец, который сыграл юного буденновца Тома Джексона в «Красных дьяволятах», культовом фильме старших поколе-

ний во всем Советском Союзе. Конечно, интересный поворот судьбы: со съемочной площадки — на борьбу с огнем... Но это — всего лишь легенда, пожарный и киноактер — разные люди.

Человека, собиравшего зевак у пожарной команды, звали Башир Шамбе. Родился он в 1904 году, в... Персии. Удивляться не надо — именно туда его родителей в позапрошлом веке привезли из Африки торговцы живым товаром. Сам он утверждал, что в двенадцать лет его купил некий офицер по фамилии Химшиашвили и, сделав слугой, привез в Грузию, в свой полк. Потом парнишка оказался в приюте, воевал в рядах Красной Армии, а когда началась мирная жизнь, решил стать пожарным. Это решение он объяснял так: «Быть может, потому, что видел огонь и разорение, потому что сам рос без крыши над головой, мне захотелось оберегать от огня и свой дом, и дома тифлисцев».

Работать он начинает в воензированной пожарной охране Арсенала на горе Махата. И уже через год, как свидетельствует пресса того времени, отличается: «После пожара в Арсенале в 1924 г., в тушении которого

Башир Шамбе проявил смелость и незаурядную смекалку пожарного, он был приглашен в городскую пожарную команду». Так тифлисцы впервые слышат о чернокожем огнеборце. Затем его имя становится известно и в Кутаиси — после крупного пожара 1928 года. И в том же году он получает удостоверение Народного Комиссариата внутренних дел Грузинской ССР, которое гласит: «Выдано члену Тифлисской пожарной команды в подтверждение того, что он награжден нагрудным почетным знаком N17 за самоотверженную работу в рядах Тифлисской пожарной команды». Через три года — оценка уже на правительственном уровне, орден Трудового Красного Знамени Грузинской ССР (до учреждения единого общесоюзного ордена такие награды существовали во всех союзных республиках).

Однажды он бросается в огонь без какого-либо специального снаряжения. Идет в нерабочее время по улице, в новом костюме, а из дома вдруг вырываются клубы дыма и языки пламени, несутся испуганные крики. Башир бросается в дом, потом подоспевает пожарная команда, все обходится без жертв. А

Башир Шамбе

вот новый костюм... Глядя на оставшиеся от него лохмотья, коллеги подшучивают: «Ты хоть успел его застраховать? Ущерб-то никто не возместит». Башир лишь молча посмеивается... Но покупать костюм все-таки приходится, когда он становится членом Тбилисского городского совета народных депутатов. И, наверное, ни один орган городского самоуправления в Советском Союзе не имел в своем составе чернокожего пожарного из Персии...

Когда начинается война с гитлеровцами, Шамбе добровольцем просится на фронт: «Как и все, хотел сражаться с оружием в руках, а меня с фронта отозвали. Служил в городской пожарной команде до конца войны, дежурил на складе артиллерийских боеприпасов». Бомбы на этот склад не падали, но проявить героизм Баширу все же приходится. Из-за чьей-то небрежности загорается ветошь недалеко от ящиков со снарядами. Проще всего вскочить в стоящий рядом грузовик и – от греха подальше. Но пожарный хватает шланг, включает насос и... «Когда приехала городская пожарная команда, – с гордостью вспоминал он спустя годы, – я уже потушил пожар».

После войны ему вручают медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и нагрудный знак «Отличный пожарник». А спустя сорок с лишним лет – награды с «самого верха»: памятная настольная медаль «1917-1987», часы-подарок и приветствие ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР, в котором «доро-

гому товарищу Шамбо Баширу» выражают «глубокую благодарность и признательность «за беззаветное служение народу». И ничего, что в фамилию вкрадывается ошибка – он беззаветно служил не ради наград. Даже уйдя на пенсию, не перестает делать то, что умеет лучше всего – работает пожарным в знаменитом городском саду Муштаид. И там тоже его запоминают тысячи тбилисцев.

Женился он на русской уроженке Тбилиси, по облику его сына легко можно было догадаться, что в жилах – африканская кровь, на внуках это сказалось меньше. Башир Шамбе прожил в столице Грузии большую жизнь, значительную ее часть – на Самтредской улице. Скончался он, когда ему было уже далеко за восемьдесят, войдя в историю Тбилиси как один из самых колоритных и замечательных горожан. Но, как мы видим, с кинематографом не был связан никак. Так кто же тот человек, с которым легенда путает Башира?

Говоря нынешним языком, это кинозвезда 1920-х Кадор Бен-Салим. Он никогда не попал бы в справочники как «грузинский актер», если бы не его основные профессии – циркового акробата-прыгуна и боксера. Этот сенегалец постарше Башира Шамбе, в 1912 году он приехал в Россию уже после гастролей по Европе с труппой марокканских прыгунов под руководством Мулай Саида. За спиной у него – работа матросом и различные выступления в Марокко. Во время Гражданской войны, как и Шамбе, он был красноармейцем, затем вновь вернулся на арену. В начале 1920-х годов Кадор переезжает в Тифлис, и в местном цирке зрители знают его как боксера под псевдонимом «Том Джексон».

Между тем в 1922-м партийный работник из Костромы Павел Бляхин отправляется на работу в Главполитпросвет Азербайджана, и пока поезд плетется до Баку, успевает написать для сына приключенческую книгу «Красные дьяволята». Она очень нравится читателям, одобрена в партийных кругах и, в конце концов, попадает к известному режиссеру Ивану Перестиани,

работающему в «Госкинопроме Грузии». Так тогда называлась киностудия «Грузия-фильм». А Перестиани за год до встречи с Бляхиным снял первый грузинский художественный фильм «Арсен Джорджиашвили». В новом сценарии, созданном ими, – много трюков и задора, режиссер, стоявший у истоков российского кинематографа, понимает: актеры дореволюционного кино, игравшие утонченных салонных героев, с задачей не справятся. И соавторы обращают внимание на артистов Тифлисского цирка.

Так эквилибрист, чечеточник, универсальный артист Пач-Пач, настоящее имя которого Павел Есиковский, становится героем фильма Мишкой. Проволочной эквилибристке Софии Жозефи (Липкиной), с трех лет выступающей на тифлисской арене, отводится роль Дуни. А третий «дьяволенок» в книге – китайчонок Ю-Ю. Но подходящего китайца найти не удастся, и, в конце концов, его заменяют чернокожим парнем. Долго вести поиски не надо – Том Джексон, он же Кадор Бен-Салим, выступает на том же манеже, что и уже отобранные актеры.

Почти через сорок лет за эту же тему возьмется режиссер Эдмонд Кеосаян, поставив по мотивам «Красных дьяволят» знаменитый фильм «Неуловимые мстители». В нем число юных борцов с махновцами увеличивается до четырех, меняются их имена, а африканца заменяют на цыгана. Все они, как и герои фильма 1923 года, в своем времени становятся любимцами зрителей. Но не будем забывать: в 1966-м используются все средства современного кинематографа, а во времена Перестиани и киноаппаратура примитивна, и нет никаких комбинированных съемок. Бен-Салим с партнерами «вживую» бегают по крышам вагонов на полном ходу поезда, без какой-либо страховки перебираются по канату через горное ущелье и прыгают со скал. А когда подводит несовершенный киноаппарат, самые сложные трюки приходится по несколько раз выполнять заново. Выдержать все это помогает закалка циркового артиста, привычного к большим физическим нагрузкам, связан-

ным с риском.

Наконец, настает 23 сентября 1923 года – день премьерного показа фильма, первого советского истерна. Он снят, в основном, в Грузии и приносит «Госкинопрому» этой республики не только славу самой передовой советской киноорганизации той поры, но и колоссальную прибыль, позволяющую значительно укрепить материальную базу. Огромен и моральный аспект: чернокожим красноармейцем и его друзьями восхищается на премьере все партийное руководство Закавказья и сам Серго Орджоникидзе. Актеров принимает нарком Анатолий Луначарский, главная газета страны «Правда» называет ленту «лучшей советской картиной». Успех по всему Советскому Союзу ошеломительный, зрители штурмуют кинотеатры, иваново-вознесенские ткачи, с которыми Бен-Салим воевал в одной дивизии, посмотрев картину, посылают тройке актеров красное знамя. И в честь этого события учреждается почетный значок «За знамя ивановских ткачей».

Все считают, что снимать продолжение просто необходимо. Владимир Маяковский встречает Перестиани на проспекте Руставели и, схватив за плечи, убеждает: «Надо продолжать в том же духе. Надо, понимаете?» И за шумной славой первой картины мало кто помнит, что режиссер продолжение действительно снял. Целых четыре фильма в течение одного

Кадор Бен-Салим на обложке «Советского экрана»

Кадор Бен-Салим с Соломоном Михоэлсом на съемочной площадке

1926 года. Сейчас бы их назвали «Красные дьяволята-2» (и соответственно -3, -4, -5) или «Красные дьяволята возвращаются». Перестиани же дает фильмам о новых приключениях Тома Джексона и его отважных друзей самостоятельные названия: «Савур-могила», «Преступление княжны Ширванской», «Наказание княжны Ширванской», «Иллан-Дили». Увы, эти картины были не так удачны, как первая. Их сейчас помнят немногие.

И еще интересный факт – во все неизвестный основной массе поклонников «дьяволят». В титрах указан, что батьку Махно сыграл Владимир Сутырин. Но такого актера никогда не существовало. Играл Владимир Кучеренко, который, как выяснилось позже, был главарем банды грабителей, орудовавшей в Одесской и Николаевской губерниях, в Крыму и на Кавказе. Его расстреляли, имя вычеркнули из титров всех фильмов с его участием, а среди исполнителей ролей в «Красных дьяволятах» рядом с реальным Бен-Салимом значится Сутырин.

Сам же Кадор вошел в историю советского киноискусства и как первый актер, появившийся на обложке одного из самых читаемых в стране журналов – «Советский экран». А с 1926-го по 1932-й тбилисский африканец играет еще в трех фильмах, в различных концах Союза. И, возвращаясь, делится впечатлениями о Москве, где снималась комедия «Рейс мистера Ллойда», об Украине (съемки драмы «Черная кожа»). А после Белоруссии, в первую очередь, рассказы о партнерах по фильму

«Возвращение Нейтана Бейкера». Их имена – Соломон Михоэлс и Борис Бабочкин...

И все же в кино он не остается – сказывается цирковая кровь. Кадор возвращается на арену, уезжает из Тбилиси, гастролирует по стране. Последние сведения о нем были из Средней Азии. По одним слухам, он уехал отсюда за границу, по другим – осел где-то под Ташкентом... Павел Есиковский тоже продолжил цирковую карьеру, причем в образе своего киногероя. Если в каком-нибудь цирке падали сборы, приглашали его, и он джигитовал в военной форме, произносил «стихотворный монолог дьяволенка Мишки». Значок «За знамя ивановских ткачей» он носил до самой своей смерти в 1961 году.

София Жозеффи в цирк не вернулась, снялась после «Красных дьяволят» еще в десяти фильмах, но так и не смогла исполнить свою мечту – сыграть роль цирковой артистки. Она выходит замуж, уезжает в США, где и умирает. А до этого, в 1961 году, приезжает в Тбилиси, город своего детства и звездной молодости. О тех счастливых днях ей напоминает и праздник в честь 40-летия Советской Грузии на стадионе «Буревестник». На гаревой дорожке появляется колонна киностудии «Грузия-фильм», а во главе ее – три всадника: чернокожий и белый парни, юная девушка. Среди зрителей, которые встают приветствуя лихо промчавшихся дьяволят, вполне мог быть и тбилисский пожарный Башир Шамбе...

Татьяна Данильянц

Воображаемый дом

■ Ольга СОХАШВИЛИ-НАЙКО

С 3-го по 12-е сентября в Музее истории Тбилиси им. Гришашвили прошла выставка работ московского кинорежиссера, художника, фотографа и поэта Татьяны Данильянц «Дары Венеции – Сергею Параджанову». Впервые этот проект был осуществлен в Ереванском музее современного искусства к 90-летию Сергея Параджанова в 2014-м году.

Экспозиция была представлена фотоколлажами, ассамбляжами из текстиля и муранского стекла, а также документальным фильмом «Вспоминая Параджанова. Венецианские беседы».

На счету Татьяны несколько короткометражных и документальных фильмов («Сад, который скрыт» (2008), «Венеция. На плаву» (2012), «Шесть музыкантов на фоне города» (2016); три поэтических сборника, изданных на русском языке («Венецианское» (2005), «Белое» (2006), «Красный шум» (2012), а потом переизданных на итальянском, французском, армянском, польском и сербском языках; многочисленные выставки и выставки современного искусства. Татьяна Данильянц – воплощение человека искусства, не останавливающегося на чем-то одном, а объединяющего в своем творчестве любые его направления, виртуозно демонстрируя свое мастерство в каждом из них.

Мы встретились с Татьяной в день закрытия выставки, и честно говоря, несмотря на множество известных фактов ее биографии, мне очень хотелось послушать ее историю от самого начала творческого пути – как говорится, из первых уст.

– Татьяна, ни для кого не секрет, что с Венецией вас связывает 21 год жизни, но как так получилось, что выбор пал именно на нее?

– Когда я окончила Московский Художественный институт им. В.И. Сурикова, у нас образовалась маленькая русско-итальянская компания, и подруга рассказала, что в галерее Peggy Guggenheim Collection в Венеции (подразделение фонда Соломона Гуггенхайма) идет набор на трехмесячную стажировку для художников и искусствоведов, и мы отправили заявки. Тогда я уже была студенткой Высших режиссерских курсов при ВГИКе (факультет режиссуры кино и ТВ), а также училась в мастерской индивидуальной режиссуры Бориса Юхананова (сейчас он художественный руководитель Электротеатра «Станиславский»). И когда мне пришел факс с приглашением на стажировку в Венецию, мне не захотелось срываться на три месяца из Москвы, потому что меня и так все устраивало. Но ко мне пришел мой товарищ – скульптор Ярослав Копоруллин, тоже выпускник Суриковского института, и, узнав о моих сомнениях, сказал: «Если ты не поедешь на эту стажировку, я перестану с тобой общаться... не могу смотреть, как ты упускаешь свой шанс!»

– И вы все-таки поехали?

– Да, я поняла, что раз я одна из пятнадцати подавших на грант человек его получила, то не должна упускать эту возможность и уехала. Первое время это было очень тяжело, потому что музей держал всех в «черном теле». Я приехала из богемного, очень терпимого к студенту Суриковского института, и оказалась в режиме

жесткой работы. Половина зарплаты уходила на оплату квартиры, а на оставшуюся половину прожить было просто невозможно. Меня спас кое-какой денежный запас из Москвы. И через месяц я пришла к куратору и сказала, что с меня хватит, я уезжаю обратно. Она очень удивилась, потому что такого в их практике еще не было, и попросила меня подумать в течение недели, а потом озвучить окончательное решение. Все омрачилось еще и тем, что началась промозглая осень, в квартире было очень холодно, хозяева экономили на электричестве. И вдруг за эту неделю со мной стали происходить совершенно потрясающие вещи, встречи, которые позже легли в основу моего первого венецианского фильма «Сад, который скрыт». Например, я познакомилась с графом Джироламо Марчелло, другом Иосифа

Фрагмент экспозиции

Бродского, он и принимал у себя Бродского во время его приездов в Венецию и, кстати, похоронил его на кладбище Сан-Микеле, с психиатром Антонио Ричцоли, с журналистом Риккардо Петито, с Андреа Верардо... В общем, произошел какой-то мощный рывок, и я поняла, что сама судьба распорядилась так, чтобы я не уехала. И с того момента началась история моего «обвенецианивания»... меня мои итальянские друзья называют «наполовину «венецианизированной»»,

и это действительно так.

– Вы могли тогда в 1995-м, хоть на мгновение представить, как спустя 20 лет ваша жизнь будет связана с Венецией и что вы представите в Тбилиси проект, связывающий Венецию, Ереван и Тбилиси воедино?

– Нет, конечно. Жизнь вообще очень таинственна, и чем дальше я ее проживаю, тем больше понимаю, насколько часто мы слабо понимаем, по какому сценарию движемся. Перекину сейчас мост между Венецией и Тбилиси. На сегодняшний день я обнаружила три вещи, связывающие меня с Грузией: во-первых, для армянской составляющей моей семьи не секрет, что мой прадед был конюшенным при русском князе Воронцове в Тбилиси, и ему был пожалован дворянский титул. Это просто исторический факт из семейной биографии, к сожалению, на данный момент я ничего больше о прадеде не знаю. Второй момент: я родилась в Африке, но когда мне было шесть лет, мы переехали в Россию, в Москву. Всю свою осознанную жизнь я проживала на Соколе, на Песчаной улице, в районе, который исторически является грузинским районом в Москве, (как и Грузинский вал, и Тишинская площадь), и там располагались резиденции грузинских князей. И третий момент, тоже удивительный: в свое время я была прописана у своей бабушки, которая жила на улице Руставели. И знаете, когда ты в эти вещи всматриваешься, то начинаешь смотреть на них с большим удивлением.

– Может, история вашего прадеда станет одним из ваших следующих проектов?

– Может быть, это станет какой-то частью проекта, а, может, проектом. Я пока не знаю, что за архив меня поджидает и что можно добыть из этого материала.

– Что случилось после окончания стажировки в Венеции? Вы сразу вернулись в Москву?

– Нет, в Венеции у меня завязался недолгий роман с молодым человеком, с которым мы, возможно, даже поженились бы, но я предпочла вернуться в Москву. И это чувство влюбленности окрасило мои переживания еще сильнее, а в следующий раз я вернулась в этот город только в 1997-м году на кинофестиваль. Много лет спустя, когда я рассказала о своем романе другу, графу Джироламо Марчелло, которому сейчас уже под 90, он сказал мне замечательную фразу: «Дорогая, как здорово, что ты не обросла здесь семьей. Ты не представляешь, что такое иметь семью в Венеции – это страшная рутина, хоть и эстетизированный, но такой же быт... плюс, все варятся до бесконечности в собственном соку – это же маленькая деревня». И он прав. Есть города, в которых надо жить точно, набегам, и именно по этой причине я никогда не жила в Венеции дольше трех месяцев. Города, как и люди, очень разные – с ними возникают краткосрочные

У входа в Музей истории Тбилиси

или долгосрочные отношения.

– **Как в вашем творчестве появилось искусство фотографии?**

– Я фотографирую с раннего возраста, лет с 12-14, в 1995 году я вступила в Союз фотохудожников России, а потом долгое время фотографией не занималась. В самом начале 2000-х я сделала небольшой цикл фотографий венецианского транспорта, и товарищ предложил мне участвовать с этими фотографиями на канадском благотворительном аукционе, где их купили. Так родился проект «Венеция на плаву». Позже родились концептуальные проекты, объединяющие в себе одновременно несколько видов искусства (видеоарт, звуковую инсталляцию, скульптуру...).

– **Сергей Параджанов – безусловно, это великая фигура отечественного кинематографа, но как именно родился ваш проект «Дары Венеции – Сергею Параджанову»?**

– Вы знаете, я автор совершенно разных арт-проектов, и каждый из них связан с чем-то конкретным, на каждый из них меня что-то вдохновило. В случае с «Дарами Венеции – Сергею Параджанову» все случилось каким-то удивительным для меня образом. Несколько лет назад я была на кинофестивале «Золотой абрикос» в Ереване, и меня в очередной раз пригласили в дом-музей Параджанова. В тот раз мне в руки совершенно случайно попала книга лагерных писем Параджанова, которые он писал своей семье, будучи в тюрьме, в лагерях строгого режима. В тот момент в моей жизни был сложный

период, и мне нужно было обрести новые точки опоры, и, находясь под впечатлением от книги, я поняла, что есть люди, всецело преданные искусству, тотально живущие в мире красоты, как Параджанов, несгибаемо служа своим идеалам вне зависимости от обстоятельств. И это открытие, понимание меня настолько по-человечески накрыло, что я решила сделать выставку-высказывание к его 90-летию.

– **А как вы пришли к тому, что это высказывание должно быть связано с Венецией? Благодаря вашей истории с этим городом или чему-то другому?**

– У меня давно было ощущение, что Сергей Иосифович по духу венецианец, ведь я все-таки неплохо знаю дух Венеции, поэтому я решила попробовать связать историю Параджанова с ней. Когда эта идея, догадка пришла в мне голову, я даже не знала о том, что Параджанов бывал в Венеции – я знала, что он прожил очень непростую жизнь, был гоним, не имел дома... захотелось создать для него воображаемый дом в Венеции. И когда я стала распутывать этот клубок, выяснилось, что до его приезда в Венецию в 1988 году на кинофестиваль с фильмом «Ашик-Кериб», еще в 1977 году (а он был тогда в тюрьме и за него вступились видные деятели Франции и Италии), в Венеции прошел кинофестиваль, посвященный диссидентам. Параджанов был там главной фигурой. Позже мне удалось найти венецианских армян, которые знали Параджанова лично и встречались с ним в 1988 году.

– **Именно они делятся своими историями о Параджанове в вашем фильме «Вспоминая Параджанова. Венецианские беседы»?**

– Да. Один из них, Байкар Сивальзян, профессор Миланского университета, он преподает армянский язык и литературу. А второй, отец Левон Зекиян. Сейчас он архиепископ армянской католической церкви в Стамбуле. Он знал Сергея Иосифовича очень хорошо и многое смог о нем рассказать. Этот документальный фильм стал неотъемлемой частью моей выставки, я называю его эскизом, потому что технически он не очень совершенен и был снят без денег – операторы и композитор работали совершенно бесплатно, что для Италии, и в частности, Венеции, большая редкость. Поэтому, с точки зрения «даров Венеции», название выставки себя полностью оправдывает.

– **Тбилиси стал уже четвертой презентацией вашей выставки. Так и было задумано?**

– Сначала я представила этот проект в Ереване, потому что там Сергей Параджанов похоронен, и я захотела двигаться в сторону места его рождения, поэтому важной остановкой должен был стать Тбилиси. Долго искала место, где выставку можно здесь показать, и для меня очень символично, что в этом мне помог младший товарищ и ассистент Параджанова – Юрий Мечитов. Считаю, что музей истории города – идеальное

На выставке

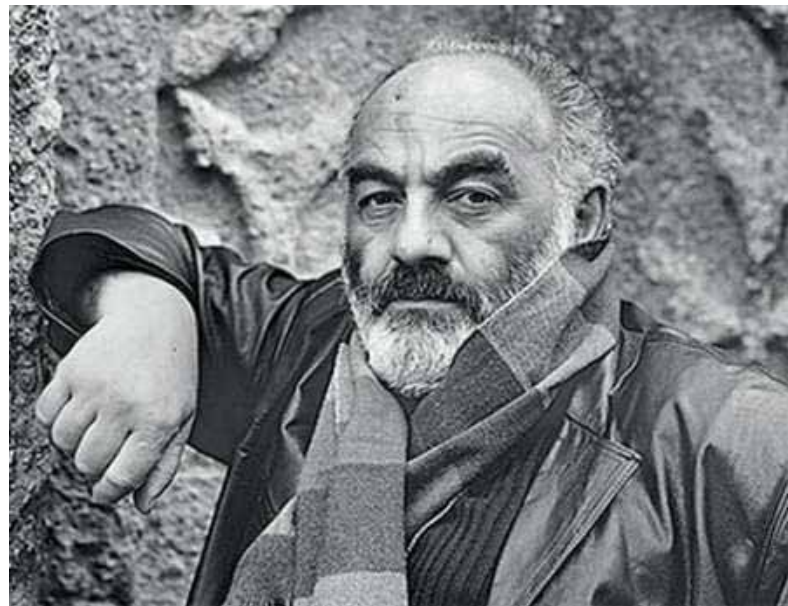
место для выставки, посвященной Параджанову, ведь в нем хранятся макеты и фотографии старого Тбилиси, который был так для него важен. И в Ереване, и в Тбилиси открытие выставки стало для меня огромным праздником! И, должна сказать, что пережив целую гамму эмоций и переживаний, я с каким-то облегчением увожу выставку в Венецию, где и будет ее последняя презентация из «обязательной программы», в городе для новой идеальной жизни Сергея Иосифовича Параджанова.

– Когда вы решили заняться этим проектом, вы общались с родственниками Параджанова?

– Да, я с ними контактировала. Первым делом я пообщалась с его племянником Гарриком Параджановым. Он тоже режиссер и коллажист, он был очень близок к Параджанову. Но, если говорить честно, мне было важнее быть в стороне от воспоминаний его племянника. Ведь сама идея воображаемого дома Параджанова не принадлежит его семье – она принадлежит только мне и Венеции, поэтому мне не нужно было подстраиваться под кого-то или искать одобрения. Это ведь очень личная мысль, догадка, и в этом моем желании нет ничего спекулятивного. Как говорил Пушкин, так и я верю в то, что люди не уходят полностью... и путь создания проекта шел по какому-то велению Параджанова и Венеции, где до сих пор есть круг людей, которые о нем помнят и им восхищаются.

– Чему вы научились благодаря этому проекту, этому опыту?

– Во-первых, как я уже говорила, я создала и получила какой-то громадный праздник. И в

Сергей Параджанов

Ереване, и в Тбилиси. Во-вторых, я, может быть, излечилась внутренне от своей душевной боли, которая преследовала меня последние годы. В-третьих, я думаю, что каждая поездка и соприкосновение с такими древними культурами, дают тебе то, что я называю опытом и уроками жизни, получаемыми за счет откровенного общения с людьми. Оно здесь происходит очень органично, чего не скажешь, к примеру, о Москве. И самое важное, что хотим мы или нет, но именно в такие моменты мы оказываемся в самом центре себя, в подлинности своих переживаний. И вот таких моментов за эти двенадцать дней в Грузии у меня было несколько... невероятно острых, экзистенциальных, связывающих меня с этим городом, этой страной, с Параджановым, с самой собой, со своим прошлым и будущим. Это очень сильно. Ради этих мгновений люди и живут!

Именно благодаря этому проекту мне стала понятна одна вещь, важная, как мне кажется. То, что выставлено на всеобщее обозрение – это лишь видимая часть работы над проектом, ее материальный, сжатый результат: 8 фотоколлажей, 5 текстильных и скульптурных ассамбляжей и фильм. Но лично мне, в ходе работы над проектом, стало понятно, насколько мир един. Напри-

На открытии выставки

мер, история «Шелкового пути», Марко Поло и других путешественников... Когда Ближний Восток, Центральная Азия и Китай оказались внутри какой-то одной глобальной идеи, обозначились связи между регионами, культурами, персоналиями и судьбами людей. В Ереване хозяин одной маленькой гостиницы коллекционирует ковры, и когда я их рассматривала, то увидела, что некоторые из них будто взяты из фильма Параджанова. На нескольких коврах использован известный средневековый узор «эстрелла» (звезда), который также можно заметить в Венеции в технике сплавки стекла – смотришь на них издали и видишь тот самый ковер, где звезды образуют непрерывный узор. И когда начинаешь об этом задумываться, то становишься буквально свидетелем этого «Шелкового пути», и это очень сильное переживание. Это, наверное, похоже на то, как археолог чувствует себя, когда достает из земли часть какого-то древнего драгоценного сосуда.

– Вы можете сказать, что благодаря этому проекту сам Параджанов вас чему-то научил?

– Я считаю, что Параджанова должны изучать в обязательной программе школ и институтов не только потому что он выдающийся художник и кинорежиссер, но и потому, что он учит быть свободным. Несмотря на то, что он оказался персоной нон-грата, в изоляции, прошел лагеря, он всегда оставался абсолютно свободным. В ходе работы над выставкой я начала бесстрашно соединять какие-то совершенно разные вещи, материалы, превращать

их во что-то очень органичное и соответствующее моему представлению о красоте и гармонии. Этот опыт художественной свободы бесценен. Я считаю, что работа над проектом, посвященном именно Параджанову, оказалась решающей.

Когда я читала все эти протоколы, дела его задержаний, я думала о том, что никто не тянул его за язык говорить, что Папа Римский снабжает его бриллиантами, а он ими спекулирует. Но я думаю, по своему внутреннему состоянию он не считал нужным обращать внимание на то, к чему это может привести. Может, задним умом он и понимал, что не стоит этого говорить, но, в принципе, ему было все равно – он был по-настоящему свободным. Он был «прямоходящим».

– Какие у вас планы на будущее? Они связаны с Венецией?

– Вы знаете, я сняла в Венеции три фильма, через месяц у меня там четвертая выставка, и вышла моя поэтическая книга в переводах на итальянский... Я просто не представляю, что еще я могу сделать в этом городе. Мне кажется, что все то, что мне было важно там рассказать, я уже рассказала. Но если мы договоримся с одним очень известным грузинским сценаристом, то, может быть, наш эскиз о Параджанове мы превратим в большой полнометражный, сложно устроенный фильм. Он станет продолжением истории о Венеции и Параджанове в виде гибрида художественного и документального кино.

Фото автора

Элисо Орджоникидзе

«Музыка воодушевляет весь мир...»

Музыкальное оформление спектаклей Грибоедовского – это фишка, стиль, фирменная манера. После очередного «Вишневого сада», или «Холстомера», или «Ревизора», или «Маяковского» телефоны в театре звонят особенно часто: зрители спрашивают, нельзя ли получить записи саундтреков. Вот так – спектакль окончен, а музыка продолжает звучать.

Музыкальной частью театра несколько лет руководит Элисо Орджоникидзе. Профессиональная пианистка, выпускница Тбилисской государственной консерватории им. В. Сараджишвили, она занималась педагогической деятельностью, а потом пришла в театр им. Грибоедова.

Справедливости ради надо сказать, что Элисо Гивиевна в некотором роде продолжает заниматься преподаванием, только теперь ее энергия направлена на самых маленьких учеников – воспитанников детского сада, которым она отдает не только свои знания, но и любовь к музыке и миру. А без любви невозможно созидание, творчество. Именно любовь дает импульс работе с детьми, руководству музыкальной частью театра.

Результат – налицо. Решением Независимой национальной ассоциации театральных критиков и Национального центра исследования грузинского театра Элисо Орджоникидзе победила в номинации «лучшее музыкальное оформление года» за спектакль «Ревизор» в постановке Авто Варсимашвили.

Откроем «секрет Полишинеля» – Элисо и Авто счастливо женаты уже много лет. Они мало кого пускают в свою личную жизнь, но как-то раз Автандил Эдуардович рассказал о своем отношении к супруге, к семье. Сегодня эти слова вспомнить более чем уместно: «Быть пианисткой-солисткой и воспитывать двоих детей – это просто нереально. Надо было выби-

Элисо и Авто Варсимашвили

рать. Элисо в профессиональном плане пошла на большую жертву, потому что у нее, конечно, были перспективы. Семья – это высшая ценность для человека. Когда говорят, что ради дела могут бросить семью, я это называю профессиональным кретинизмом. Для меня семья всегда на первом плане. Всегда. Работа всегда на втором месте. Всегда».

Коллективы «Русского клуба» и Театра имени Грибоедова сердечно поздравляют Элисо Орджоникидзе с юбилеем и желают здоровья, благоденствия и творческих побед!

КАМИЛЛА МАРИАМ КОРИНТЭЛИ

Поэт, переводчик, журналист. Окончила Тбилисский государственный университет.

С основания журнала «Литературная Грузия» (1957) работала в редакции в разных должностях. С 1996 по 2006 годы – старший преподаватель на кафедре испанского языка Тбилисского института иностранных языков им. И.Чавчавадзе. Автор множества переводов произведений грузинских писателей, издававшихся в Тбилиси, Москве и т.д. Автор книги стихов «Гранат цветет». За перевод запрещенного в свое время романа Григола Робакидзе «Змеиная рубашка» (2014) удостоена премии им. Ив.Мачабели. Член Союза писателей и Союза журналистов, заслуженный журналист Грузии. Кавалер ордена Чести.

СТИХОТВОРЕНИЯ

DON QUIJOTE DE LA MANCHA

Если вдруг придет Дон Кихот,
идальго бесстрашный,
благородный, отважный,
в мир наш, ставший
малопригодным для жизни
человека и животных –
диких, домашних –
и даже для растений!
Если вдруг придет Дон Кихот,
этот чудак-испанец,
что будет он делать
в нашем вертепе безумном,
осатанелом,
где все перевернулось, смешалось
и попораны все святости...
Рыцарей нет... Ну что ж!
Но нет Дульсинеи!
Дульсинеи нет!
И вообще – кто она?
Женщина или... бывший мужчина?!
Кто кому пропоет серенаду?
А который же мать?..
Кого спасать? Куда скакать?
Кого любить? С кем фехтовать?
Служить какой идее?
И где она, идея?!
...А есть ли жизнь на Марсе?..
Ай, сеньор Дон Кихот,
Стоит ли вам
приходить?

Из цикла «Испанские напевы» ТАНЕЦ

Кармен!
Взмах гибких рук.
Треск кастаньет.
Глаз блеск.
Тихий смех –
Точно моря ночного всплеск.

Клятвы, просьбы, моления
Потонули в забвенье.
Разве было гвоздик цветенье?
Разве было в крови волнение?
Страсти поток быстротечен,
А путь – судьбой помечен.

Громче треск кастаньет.
Стана плавный извив.
Все предав, все забыв
Ветер песню олив
Над Севильей проносит.
Черный веер ночей
О прощенье не просит.

Пламя взвилось – погасло.
Все уж напрасно.
Лишь кастаньеты
Трещат...

DESPUÉS*

...И выпало ей
Три короля
Карменсите, севильской хитане:
первый страстно ее полюбил,
но любовь ему разум затмила –
навахой ей сердце пронзил.
Второй подарил ей жизнь иную:
поныне читают о ней страницы.
Третий в созвучьях ее воскресил:
поют, поют ее сегидилью...

Господь призрел с высоты:
«Ай, Карменсита, *mi hija desdichada***!
И впрямь не была ты счастливой.
Мои заветы блюла не очень,
Немало грешила, однако...
Однако была ты честна!»

Разбилась, увы, разбилась
мечта моя!
Оземь стукнулась – и разбилась.
Затосковала душа...

Февральский ветер, вешний гость!
Твои безумные порывы
В моей душе рождают взрывы
И дух бродяжий ломит кость!

Там, на аллее, могила одна...
Радость души уложили туда.

СОН

Мне снился смутный сон.
Тебя, не видя, знала –
это ты.
Ты с кем-то говорил.
Я не слыхала слов.
Невнятен был мне разговор.
И знаков не было иных, –
лишь знание – это ты.
И – обо мне!
И краски теплые зари...
Я пробудилась, сожалея,
что оборвался этот сон.
Свет неизъяснимый,
что озарял всю эту сцену,
неясную, но полную значенья,
не гаснув долго, сердце чуть щемил.
И мне открылось:
красота любви, сверкнув однажды,
с тобой пребудет вечно.

**después - потом, после*

*** моя несчастливая дочь! (исп.)*

Грузинский танец

ФЕСТИВАЛЬ-ПРОБУЖДЕНИЕ

■ Медея АМИРХАНОВА

Мы – музыкальная и хореографическая страна (помимо прочих талантов). Каждый второй поет или танцует, как дышит. Неудивительно, что у нас много фольклорных проектов, конкурсов, мероприятий. Но до сих пор не было международного фольклорного фестиваля – чтобы и себя показать, и от иноземных гостей почерпнуть. В рамках программы «Check in Georgia» в начале сентября этого года впервые прошел Международный фольклорный фестиваль Черного моря. На два дня в главную концертную площадку превратился город Озургети (Гурия), где в Саду шахмат и в государственном драматическом театре шли бесплатные представления фольклорных коллективов. Для финальной части фестиваля выбрали новый комплекс «Black Sea Arena».

Идея появилась в прошлом году, конечно же, у тех, кто тесно связан с народным творчеством: у Гиорги Донадзе, директора государственного фольклорного центра, Анзора Эркомаишвили, композитора, художественного руководителя ансамбля «Рустави», Джемала Чуасели, основателя ансамбля «Эрисиони». На встрече с губернатором Гурии, Гией Салуквадзе, где присутствовал и художественный руководитель Озургетского театра Васил Чигогидзе, обсуждались перспективы такого мероприятия. Сбылось, о чем мечталось.

В числе организаторов фестиваля, помимо уже

названного фольклорного центра, Министерство культуры и охраны памятников Грузии, мэрия Озургети, правление Озургети, концертный зал «Black Sea Arena». Подключились посольства – швейцарское, итальянское, турецкое, которые позаботились о гастролях иностранных участников.

Когда въезжаешь в Озургети, первое, что бросается в глаза – новый логин. «Озургети – город фольклора». Да будет так! Наши регионы оживляются. У отпускников есть возможность разнообразнее провести свободное время. Не сидеть день-деньской на пляже, а съездить на концерт (от Уреки до Озургети 29 км). Фестиваль – реклама для привлечения иностранных туристов.

Четыре страны-участницы, 24 ансамбля, 400 артистов. «Black Sea International Folk Festival» с самого начала взял высокую планку – ни одного проходного номера.

Квартет «Нагельфлу» (Швейцария), в составе которого двое мужчин и две женщины исполнил песни в технике «йодль». Особая манера пения без слов, когда быстро чередуются грудные и фальцетные звуки. Считают, что в швейцарской народной музыке йодль появился среди альпийских пастухов, как способ переключаться, находясь на вершинах гор. Лучшее место для пения альпийским йодлем – там, где есть эхо. Схожа с йодлем грузинская техника криманчули. Навскидку, пример йодля – пе-

сенка гномов из диснеевской Белоснежки.

В ансамбле «Нагельфлу» женщины поют йодлем, мужчины – басом. И в Озургетском театре, и в «Black Sea Arena» их принимали очень тепло. Потому что к таланту прилагались еще шарм, внутреннее достоинство и безупречный вкус (костюмы).

Ансамбль танца, песни и музыки государственной консерватории Караденизского технического университета (Турция) быстро выбился в число фаворитов. Это молодежный коллектив, который укомплектован выпускниками университета. Создан в Трабзоне в 2011 году. На фестивале они представили динамичный мужской групповой танец, сопровождаемый игрой на национальном инструменте. Они так эффектно поводили плечами, что зрители начали братья за руки и повторять движения.

Итальянская группа «Su Cuncordu 'e Sette Dolores» выступила а капелла. В ней четверо мужчин: Константино Спану (бас), Джованни Касула (баритон), Джироламо Шира (тенор), Пол Пил (контратенор). Поют на церковных праздниках, свадебных церемониях, концертах и фестивалях. Считают своей миссией сохранение и распространение церковной полифонической песни. Уравновешивают

Концертный зал «Black Sea Arena»

своими голосами эмоциональное состояние зрителей и настраивают на гармонию.

Принимающая сторона – Грузия представила наибольшее число коллективов, среди них и легендарные, наше достояние: национальный балет «Сушишвили», государственный академический ансамбль «Рустави», ансамбль грузинской народной песни «Басиани», «Рихо» (создан в Мestia, в 20-е годы прошлого века), «Лагушеда», «Песвеби», «Бермуха», «Марети», «Швидкаца», «Вахтангури», «Шемокмеди», «Иадони», «Рехеули», «Амаглеба», «Гурия», «Ацаура», «Иалони» и др.

Перед Озургетским театром открылась звезда танцевального ансамбля «Гурия». Событие приурочили и к фестивалю, и к 75-летию основателя кол-

лектива – Джумбера Дундуа. Новая смена достойная: «ачарули» задорный, «кнтаури» азартный, в картули солистка как лебедушка плывет.

Гала-концерт в «Black Sea Arena» собрал 7.500 зрителей. Недорогие цены на билеты (от 5 лари) сделали праздник доступным для всех желающих. Многие приехали пораньше, чтобы пройти по «Парку музыкантов», и послушать двойников все-

Солистка лондонского Госпела

мирно известных артистов. Садись на скамейку рядом с Лучано Паваротти или Фрэнком Синатрой и наслаждаешься индивидуальным концертом (рядом со скульптурами установлены динамики).

Приятно видеть публику в вечерних нарядах и самой соблюдать дресс-код, собираясь на событие такого масштаба. «Black Sea Arena» вечером – впечатляющее зрелище. Фасад зала поочередно переливается синими, сиреневыми, зелеными, красными огнями. Такого уровня организации и приема заслуживают наши и иностранные звезды фольклора. Стены зала открываются и закрываются по типу вертикального жалюзи. Единственное замечание – чувствовалась сильная прохлада (особенно в платье с открытой спиной). Вряд ли есть надобность в активной вентиляции в осеннее время.

Открыли концерт «сушишвилевцы» бесподобным хором. На экранах по обе стороны сцены – чеканные движения танцоров крупным планом. Ансамбль «Рустави» подлил масла в огонь гордости, когда исполнил «თუ ასე გუგუდა იყავი» («а ты была такой очаровательной»)...

Мое личное открытие – женский хор «Иалони». Не голоса, а ласковый шепот ветерка в летний полдень. «Иалони» существует с 2009 года. Изучают и популяризуют малоизвестные оригинальные церковные произведения. В 2010 году выпустили сборник песнопений, посвященных богородице, в 2011 – пасхальные тропари. Совместно с хором «Исони» подготовили альбом польских рождественских песен (2011 год). В прошлом году на национальном фестивале фольклора получили первое место в номинации «женский ансамбль».

Ансамбль Караденизского технического университета (Турция)

Гости Международного фольклорного фестиваля Черного моря – лондонский Госпел-хор – взорвали зал безумной энергетикой. Темнокожая пышнотелая вокалистка задавала тон хору, те дружно вторили «Аллилуйя!» (этот музыкальный стиль характерен для методистской церкви). Затем они исполнили песню «Битлз» «Let it be». Зал мигал в ответ сотнями светящихся айфонов. Госпел, кстати, славится и тем, что работал на концертах мировых звезд – Мадонны, Кайли Миноуг, Пола Маккартни.

Для финала требовалась исключительная песня. «Чакруло» от объединенного состава «Басиани» и «Рустави» – абсолютное попадание в зрительские сердца. Особенно, когда вспоминаешь, что она бороздит просторы космоса...

Гиорги Донадзе, директор государственного фольклорного центра поделился впечатлениями:

– Теплый, сердечный вечер. Ансамбли выкладывались по полной, вы видели, сколько вложено труда. Участие в мероприятиях такого масштаба влияет на исполнительский уровень ансамблей. Потому что фестиваль предполагает усиленную подготовку. Но и результаты не заставят себя ждать – творческий рост, продвижение.

Ансамбль Нагельфлу (Швейцария)

В дни фестиваля зал был полон

Танцует ансамбль Караденизского технического университета

Международный фольклорный фестиваль Черного моря войдет в число традиционных – собираемся его проводить и в следующем году. Количество участников из других стран вырастет, ведем переговоры с новыми коллективами.

Мы много гастролируем с ансамблем «Басиани», и всюду знакомство с грузинской полифонией, национальными танцами вызывает восторг. Появляется интерес к Грузии, хочется увидеть нашу страну. Гости нашего фестиваля, вернувшись к себе на родину, обязательно расскажут о нашей уникальной культуре, традициях.

Хочу добавить, что государственному фольклорному центру выделили площадь в здании Озургетского музея истории. Теперь любой желающий сможет изучать гурийские песни.

Джемал Чукасели, художественный руководитель «Эрисиони» признался, что фестиваль вызвал у него чувство ностальгии, тронул до слез. «Я бы назвал этот фестиваль – пробуждением».

Дмитрий Шостакович

Творец музыкальной эпохи

■ Гулбат ТОРАДЗЕ

25 сентября 2016 г. Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу, великому русскому композитору, одному из крупнейших творцов XX столетия, исполнилось 110 лет со дня рождения.

Бессмертные творения Шостаковича вошли в сокровищницу мировой музыкальной культуры, в сознание миллионов людей всех стран и континентов. Начиная с 1926 года, когда 19-летним юношей он заявил о себе всему музыкальному миру своей замечательной Первой симфонией и последним сочинением – сонатой для альта и фортепиано, написанной незадолго до смерти, творчество его неизменно вызывало горячий интерес, возбуждало мысли и чувства философской глубиной проблематики, высочайшим эмоциональным накалом, необычайной искренностью и, можно сказать, выстраданностью своего художественного содержания. Исключительно широка, многогранна и остро актуальна тематика творчества Шостаковича: грандиозные социальные потрясения эпохи,

борьба против всяческого зла и насилия, драматический процесс становления личности, утверждение светлых гуманистических идеалов человечества... После премьеры Первой симфонии известный дирижер Николай Малько писал: «Дирижировал в первый раз симфонией молодого ленинградца Мити Шостаковича. У меня такое ощущение, что я открыл новую страницу в истории русской музыки». Но уже вскоре стало ясно, что открылась не просто «страница», а огромная по своему значению, интереснейшая глава в истории всей мировой музыкальной культуры!

Творческий путь Д. Шостаковича поражает не только своей редкой интенсивностью и насыщенностью, но и исключительной цельностью и целеустремленностью. Композитор-новатор, обогативший мировое музыкальное творчество завоеваниями в самых различных его сферах, создавший свой неповторимый музыкальный стиль, свою образную систему, он оказал громадное влияние на всю современную и,

в первую очередь, многонациональную музыкальную культуру страны, в которой он жил и творил.

По творениям великого русского композитора еще очень долго будут сверять «музыкальное время» эпохи музыканты грядущих поколений, ибо Д.Шостакович был не только гениальным композитором, но и художником-гуманистом, знаменосцем высоких и чистых нравственных идеалов человечества. Человек исключительной скромности и душевной щедрости, Дмитрий Дмитриевич был мудрым наставником и другом всех своих коллег современников, в том числе и грузинских композиторов.

Дмитрий Дмитриевич неоднократно бывал в Грузии, впервые – осенью 1931 года. Известно, что он отдыхал в Гудаута и Батуми, где работал над второй и третьей картинами оперы «Леди Макбет Мценского уезда», а затем побывал в Тбилиси. Биограф и исследователь творчества Шостаковича С. Хентова пишет:

С Андреем Баланчивадзе. 1961

«Особенно продуктивно дело пошло в Тбилиси, куда Шостакович приехал к Андрею Баланчивадзе. На улице Перовской, в доме одного из основоположников грузинской музыки Мелитона Баланчивадзе его окружал особый мир – причудливое сплетение старой и новой Грузии... ему легко работало: здесь он завершил и сразу сыграл Андрею Баланчивадзе первый акт оперы «Леди Макбет Мценского уезда», пометив в рукописи: «Конец I акта, 5.XI. 1931. Тифлис».

Летом 1934 года Шостакович вновь посетил Батуми, дал там концерт из своих фортепианных сочинений.

В феврале 1938 года в Тбилиси состоялись авторские концерты (солист автор, дирижер – Н. Рабинович). На первом из них 7 февраля Шостакович сыграл I фортепианный концерт, а 13-го февраля в присутствии автора была исполнена его симфония. Уже после войны, в 1946 г., Шостакович побывал в Тбилиси, где состоялись два авторских концерта.

В марте 1952 года, совместно со струнным квартетом им. Комитаса, он провел здесь авторский вечер. Осенью того же года он приехал в Тбилиси на II творческий пленум композиторов Грузии. Дал очень высокую оценку работе композиторской организации Грузии в целом, выделив при этом кантату «Сердце Картли» А.Чимакадзе, фортепианное трио А. Шаверзашвили, фортепианный концерт №3 А. Баланчивадзе.

Вот слова композитора: «Второй раз в этом году мне довелось побывать в Тбилиси, в прекрасной столице Советской Грузии. На этот раз я приехал послушать новые произведения грузинских композиторов. Ехал я в Тбилиси с большими надеждами, и эти надежды оправдались. На проходящем на днях смотре новых произведений композиторов Грузии было исполнено много удачных, талантливых произведений... Радостно было убедиться в том, что грузинская музыка движется вперед, и в этом немалая заслуга молодого поколения композиторов Грузии... Смело можно сказать, что ни в одной из республик нашей страны нет такого бурного притока молодых творческих сил, как в Грузии».

Время подтвердило высокие оценки Шостаковича.

Братья Баланчивадзе

Тбилиси

Надо, однако, подчеркнуть, что его статьи отнюдь не носили узкокомплиментарный характер. О целом ряде произведений были высказаны критические соображения, а также практические советы по дальнейшему совершенствованию деятельности грузинских композиторов. В последующие годы Дмитрий Дмитриевич неоднократно встречался с грузинскими коллегами в Москве на творческих пленумах, смотрах и т.д. Особенно следует выделить встречу группы грузинских композиторов с Шостаковичем в феврале 1953 года в Москве. Отметим, что именно по его настоянию в программу состоявшегося тогда большого концерта из произведений композиторов различных республик СССР, была включена известная оркестровая пьеса Р.Лагидзе «Сачидао», имевшая огромный успех.

Весной 1953 года общественность республики торжественно отметила 80-летие старейшего грузинского композитора Д.Аракишвили. Неизменно чуткий Д.Шостакович откликнулся на это событие, прислав очень теплую телеграмму.

Надо сказать, что Шостаковича связывали дружеские от-

ношения с целым рядом грузинских композиторов различных поколений, в частности, со своими сверстниками: с Андреем Баланчивадзе (подробнее об этом – ниже), а также – Григорием Киладзе (сохранились письма), Шалвой Мшвелидзе, Ваном Гоктели, Ионой Туския, более молодыми – Отаром Тактакишвили, Ревазом Лагидзе, Сулханом Цинцадзе.

А сравнительно недавно были обнародованы материалы о дружеских, но, к сожалению, очень недолгих взаимоотношениях Дмитрия Дмитриевича с великим режиссером Сандро Ахметели, трагически погибшим в зловещем 1937 году.

Весной 1961 года Дмитрий Дмитриевич в очередной раз посетил Грузию. Основной целью поездки было лечение пошатнувшегося здоровья. Он провел курс лечения в Цхалтубо, а затем почти на неделю заехал в Тбилиси, поселившись в семье своего друга Андрея Баланчивадзе.

Со свойственным ему вниманием Шостакович ознакомился с новыми сочинениями грузинских композиторов в записи, посетил оперный театр, где прослушал оперу «Десница великого мастера» Мшвелидзе, дав высокую

оценку музыке. Дмитрий Дмитриевич заинтересовался творчеством молодых композиторов, присутствовал на госэкзамене композиторского отделения консерватории (в тот год ее кончали В. Азарашвили и Н. Вацадзе – впоследствии известные композиторы). «Мастерство, красота музыкального языка и особенно глубоко национальный характер – вот что отличает большинство произведений, с которыми мне удалось ознакомиться», – писал он в местной газете. Как говорилось выше, близкие отношения связывали Дмитрия Дмитриевича с Андреем Мелитоновичем Баланчивадзе. Их дружба и переписка продолжалась вплоть до последних дней жизни великого композитора. Шостакович прекрасно знал все сочинения Баланчивадзе, ценил многие из них.

Весной 1938 года, после премьеры балета Баланчивадзе «Сердце гор» в Ленинграде Дмитрий Дмитриевич в статье «Выдающееся произведение» так охарактеризовал его: «Андрей Баланчивадзе, автор многих талантливых произведений (вспомним, например, его концерт для рояля), написал балет «Сердце гор». Выдающиеся качества музыки ставят этот балет па первое

Д.Шостакович с грузинскими композиторами. Тбилиси. 1952

место среди балетов, появившихся за последние годы».

Много лет спустя в книге «А.Баланчивадзе» (Тбилиси. 1979) нами впервые было опубликовано в высшей степени интересное письмо Д.Шостаковича к А.Баланчивадзе, которое невозможно читать без волнения.

Привожу отрывок из письма Шостаковича Андрею Баланчивадзе (12.IV.1936 г.)

«...Слушал я дважды твой концерт. Это очень талантливое и самобытное сочинение. От души тебя поздравляю. С нетерпением жду возможности послушать его с оркестром.

Я кончаю сейчас 4-ую симфонию. Сочинять уже кончил. Сейчас оркеструю. Думаю, что в неделю закончу, т.к. обычно музыка у меня не на много обгоняет оркестровку.

Очень хочу тебя повидать и потолковать обо всем.

Крепко тебя целую.

Твой Д.Шостакович».

Д.Шостакович и в последующие годы с подлинной заинтересованностью следил за творчеством грузинских композиторов.

Влияние его могучей творческой индивидуальности на грузинскую музыку впервые проявляется в произведениях 40-х годов и ощущается долгое время во всех жанрах музыкального творчества, в композиционных,

стилистических, интонационных особенностях, в отдельных приемах оркестровки и т.д. Широта ее воздействия обусловлена многими факторами, среди которых одним из главных представляется полифоничность мышления Шостаковича. Ведь полифоничность является «родовым» признаком грузинского музыкального фольклора, а отсюда и грузинского «композиторского мышления» вообще. Обогащение грузинской профессиональной музыки творческими достижениями Шостаковича, как правило, носит органичный характер. Они преломляются через призму творческой индивидуальности наших композиторов, как бы адаптируются в художественной среде грузинского национального музыкального стиля.

Влияние музыки Шостаковича впервые дало о себе знать в замечательной I симфонии А.Баланчивадзе (1944). Не избежал влияния Шостаковича и другой крупный грузинский симфонист Ш.Мшвелидзе. Особенно это проявилось в симфонической поэме «Миндиа».

Переосмысление различных приемов Шостаковича встречаем в ряде сочинений выдающегося композитора А.Мачавариани. О воздействии музыки Шостаковича на собственное творчество не раз писал О.Тактакишвили. В свою очередь Д.Шостакович

очень лестно откликнулся на концертное исполнение его оперы в Москве в марте 1962 года.

Особенно усиливается воздействие творчества Шостаковича, начиная с 60-х годов. Можно сказать, что в его «гравитационное поле» попадают почти все композиторы, работающие в инструментальных жанрах. Относится это и к таким видным композиторам-симфонистам, как С.Насидзе и Г.Канчели, в произведениях которых можно проследить драматургические и конструктивные принципы Шостаковича. Об этом же свидетельствует стремление к интеллектуализации музыки, поручение оркестровым тембрам семантической функции, противопоставление философских и гротесково-пародийных образов.

Вне сомнения есть воздействие квартетов Шостаковича на музыку замечательного мастера этого жанра С.Цинцадзе. Сложный и на редкость органичный синтез традиций квартетного стиля Шостаковича (равно, как другого великого художника – Б.Бартока) с собственным индивидуальным почерком обусловил новый этап творческой эволюции Цинцадзе (начиная с V квартета, созданного в 1962 году), очередной «виток» совершенствования его композиторского мастерства. Конкретно это проявляется в тенденции симфонизации квартетного жанра, полифонизации фактуры, осложнении метроритмического начала, заметном проникновении элементов токатности, остроте драматических сопоставлений.

С полным основанием можно говорить о плодотворном воздействии традиции Д.Шостаковича и на последующее поколение грузинских композиторов.

Творения Шостаковича имеют достойных интерпретаторов в Грузии. И первым, кто должен быть здесь упомянут – это Евгений Микеладзе (1903-1937) – талантливый дирижер, воспитанник Ленинградской консерватории и, в частности, Николая Малько. К сожалению, Микелад-

В минуты творчества

зе, трагически погибший в 1937 году, из сочинений Шостаковича успел исполнить лишь балетную сюиту «Золотой век».

Дмитрий Дмитриевич, неоднократно слышавший Микеладзе в концертах (в Ленинграде и Москве), много лет спустя дал высочайшую оценку его дирижерскому искусству: «Евгений Семенович Микеладзе был выдающимся советским дирижером. Он обладал огромным талантом и большой общей и музыкальной культурой. За время своей работы в Тбилиси он очень много сделал для развития грузинской музыкальной культуры. Он много сделал для развития оперного и симфонического искусства вообще. Е.С.Микеладзе был гордостью советской дирижерской школы».

Список грузинских исполнителей произведений Шостаковича очень широк. В частности, с большим успехом исполняет его квартеты в Грузии и за рубежом Государственный струнный квартет Грузии. Прелюдии и фуги украшают репертуар замечательной пианистки Э.Вирсаладзе (с особым блеском играющей прелюдию и фугу D-dur) и других наших пианистов. Часто звучат обе фортепианные сонаты.

Темпераментно интерпретируют I фортепианный концерт

М.Доиджашвили и А.Корсантия, I скрипичный концерт – в репертуаре выдающейся скрипачки Л.Исакадзе, а оба виолончельных концерта не раз исполнял ее брат, известный виолончелист Э.Исакадзе. Можно назвать и имена других современных молодых музыкантов.

Лучшие симфонические творения Шостаковича постоянно были в программах грузинских дирижеров различных поколений, таких, как Ш.Азмаипарашвили, О.Димитриади, Дж. Гокиели, Л.Киладзе. Среди дирижеров-исполнителей симфоний Шостаковича выделяется Дж.Кахидзе (особенно запомнилась трактовка IV симфонии), а также – Р. Такидзе (V симфония), Г.Гоциридзе (VIII симфония), В.Кахидзе (I и V симфонии) и др. Светлой памяти великого музыканта композиторы Грузии посвятили ряд значительных сочинений, среди которых выделяются камерная симфония А.Шаверзашвили, симфония Р.Габичвадзе, камерная симфония Ш.Шилакадзе и IX струнный квартет С.Цинцадзе. Интересно, что здесь для главной темы Цинцадзе использует принцип монограммы (инициалы Шостаковича: DDSCH), а в скерцо – тему из VIII квартета Шостаковича.

Естественно, что творчество

Шостаковича давно вошло в сферу научных и эстетических интересов грузинских музыковедов. Композитору, его отдельным сочинениям посвящен целый ряд статей, рецензий, воспоминаний грузинских музыковедов, композиторов. Что же касается научно-публицистических и исследовательских работ, то здесь, в первую очередь, должны быть названы известные грузинские музыковеды А.Цулукидзе и Г.Орджоникидзе, создавшие несколько блестящих трудов, посвященных творчеству Шостаковича. Это развернутые очерки А.Цулукидзе: «Д.Шостакович и его симфонии» и «Тема войны и мира в симфониях Д. Шостаковича». Широкое признание получил цикл исследовательских работ Г.Орджоникидзе, которые следует отнести к лучшему, что написано о Шостаковиче.

Необъятное творческое наследие великого композитора не раз привлекало внимание и других грузинских музыковедов. Светлая же личность Дмитрия Дмитриевича Шостаковича навсегда останется высоким примером беззаветного служения искусству, своему народу, человечеству.

Фати Церетели на презентации

ГРУЗИНСКОЕ СОКРОВИЩЕ ЭРМИТАЖА

В Красном зале Тбилисского театра оперы и балета им.З.Палиашвили прошла необычная презентация – увидело свет уникальное издание – «Грузинская средневековая торевтика в собрании Эрмитажа. Исследования и атрибуции». Издание осуществлено при поддержке Историко-культурного фонда «Единой верой. Грузинское дворянство в Санкт-Петербурге». Вдохновительницей и главным координатором проекта стала Президент фонда Фати Церетели.

Торевтика (греч. *τορευτική*, лат. *caelatura*) – искусство производства рельефных художественных изделий из металла, в противоположность валянию из камня, глины, воска и дерева; преимущественно словом торевтика обозначается обработка металлов острыми стальными инструментами, а именно чеканка, выбивка при помощи пунсонов или гравировка, а также тиснение по формам. Искусство торевтики уходит своими корнями в глубокую древность. Она применяется уже в эпоху бронзового века. Грузинская чеканка издревле славилась по всему миру.

Выступая на презентации, Фати Церетели рассказала об идее создания книги:

«Памятники грузинской культуры и искусства в силу исторических обстоятельств вошли в коллекции многих собраний и музеев мира. Некоторые из них попали и в Государственный Эрмитаж в Санкт-Петербурге. Долгие годы они хранились в запасниках музея, и только в 2006 году благодаря усилиям руководства и научных сотрудников Эрмитажа была создана постоянная экспозиция, на которой представлены наиболее значительные

экспонаты. Выставка производит неизгладимое впечатление. Ознакомившись с этими уникальными памятниками грузинского искусства, руководство Историко-культурного фонда «Единой верой. Грузинское дворянство в Санкт-Петербурге» приняло решение способствовать популяризации грузинских ценностей в собрании Государственного Эрмитажа путем их публикации – издания книги, а, возможно, и нескольких книг, посвященных этим памятникам».

История создания альбома почти детективная. Вот что рассказывает сама Фати Георгиевна.

«После официального открытия экспозиции у меня появилась возможность искать пути для издания данной книги. Нам очень хотелось, чтобы об этом узнали как в Грузии, так и за ее пределами. Тираж книги небольшой – всего 1000 экземпляров. Многие будут переданы различным библиотекам, в том числе Метрополитен-музею в Нью-Йорке, где хранится одна из самых обширных коллекций грузинской перегородчатой эмали, и Лувру.

В книге рассказывается о тяжелой судьбе многих выдающихся памятников грузинского чекан-

Выстцупает Николай Свентицкий

Выступление Ф.Церетели

Участники презентации

У микрофона Манана Квачадзе

ного искусства. Украденные, содранные с икон и крестов, искромсанные на куски шедевры продавались и перепродавались, попадая к частным коллекционерам или оседая в заморских музеях. Много места уделяется именно описанию этих трагичных для грузинской культуры событий, упоминая и лиц, которые принимали участие в разграблении национального достояния».

Книга вышла под научной редакцией директора Эрмитажа Михаила Пиотровского. Над ее созданием работала кандидат искусствоведения Альвида Мирзоян – в прошлом хранительница грузинских и армянских ценностей в запасниках Эрмитажа. Благодаря ее уникальным знаниям и труду альбом появился на свет.

«Труд Альвиды Мирзоян касается одной группы грузинских памятников, хранящихся в Эрмитаже, – образцов чеканного искусства христианской эпохи. Автор в течение многих лет была научным сотрудником Эрмитажа и внесла ценный вклад в изучение грузинской торевтики, представленной в музее. Детальный анализ труда А.Мирзоян, конечно, следует доверить ученым; что же касается не-

профессионалов, то они наверняка смогут почувствовать любовь и восхищение, с которыми автор относится к предмету своего научного интереса», добавила Фати Церетели.

Открылся вечер исполнением традиционного грузинского многоголосья. Презентацию вел директор Национального центра рукописей Грузии им.Корнелия Кекелидзе Заза Абашидзе.

Презентация собрала весь цвет грузинской научной и творческой интеллигенции. Выступили академик Мзекала Шанидзе, вице-президент Академии наук Грузии Роин Метревели и Президент Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб» Николай Свентицкий.

Роскошное подарочное издание выполнено на грузинском, русском и английском языках с уникальными иллюстрациями.

Эта книга, как и все, что делает семья грузинских петербуржцев Церетели – еще один пример самоотверженной преданности культуре своей родины, своего народа.

Соб.инф.

Светлана Сургучева с участниками презентации

ПАМЯТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ

Союз «Русский клуб» издал новую книгу из своей знаменитой серии «Русские в Грузии» – «Грузинские корни, русская корона». Книга рассказывает о жизни и творчестве московского поэта Сергея Сургучева-Такаишвили (1957-2010) и его родословной – одной из самых знаменитых фамилий Грузии. На страницах книги читатель найдет повествование о жизни и творчестве поэта, его лучшие стихотворения, а также очерки о самых выдающихся представителях фамилии Такаишвили, которыми гордится Грузия. Особо надо отметить, что редактором книги стала мама поэта, Светлана Сургучева.

Презентация прошла в Тбилисском государственном академическом русском театре им. А.С. Грибоедова.

Вечер открыл президент «Русского клуба», директор Грибоедовского театра Николай Свентицкий. «Серия «Русские в Грузии», – сказал он, – уже завоевала большую известность и серьезную репутацию в литературной и общественной жизни как в Грузии и России, так и за их

пределами. Сегодняшняя книга – 17-я по счету. Мы уже выпустили книги, посвященные А. Грибоедову, Л. Толстому, Б. Пастернаку, Н. Гумилеву, О. Мандельштаму, Вл. Маяковскому... У вас может возникнуть закономерный вопрос – почему мы решили включить в этот великий ряд и имя Сергея Сургучева-Такаишвили? Ответ очень прост. Серия задумывалась как энциклопедия русско-грузинских связей. А судьба Сергея Сургучева-Такаишвили является живым воплощением этих связей. Он был связан с Грузией не только душевно, но и кровно, родственно».

Действительно, у поэта – просто невероятная родословная, грандиозное генеалогическое древо! В числе его предков и родственников – Святой Эквтиме Такаишвили, Человек Божий, Народная артистка СССР Сесилия Такаишвили, народные артисты Грузии Александр Такаишвили, Александр Цуцунава, Цецилия Цуцунава, заслуженная артистка Грузии Белла Белецкая, доктор медицины, профессор Давид Хазарадзе, доктор исторических

наук, академик Нана Хазарадзе, поэт Мераб Абашидзе, врач, заместитель министра здравоохранения Грузии Михаил Паписов, член-корреспондент АН Грузии, кардиохирург Вахтанг Пипия, известный танцор первого поколения ансамбля «Сухишвили», выдающийся хирург Илико Такаишвили, режиссер-мультипликатор Давид Такаишвили, полярный летчик Владимир Сургучев, мастер спорта по боксу, выдающийся следователь, а затем адвокат Валерий Сургучев, кадровый военный, полковник Дмитрий Михайлов, главный редактор и директор издательства «Московский рабочий» Дина Михайлова... Список можно продолжать и продолжать. Даже одного-двух из этих имен хватило бы, чтобы прославить историю любой семьи. А тут таких – десятки.

Особенность этой родословной заключается еще и в том, что благодаря ей словосочетание «русско-грузинские связи» перестает быть умозрительным. Оно наполнено живым смыслом, реальными судьбами русских и грузин, чьи жизни переплелись и стали неразрывным целым, как если бы две полноводные реки слились в одну и понеслись единым великим потоком, поражая воображение мощью и великолепием.

Об этом и многом другом говорили ведущий вечера, поэт и переводчик Владимир Саришвили и все выступающие – председатель Союза писателей Грузии Маквала Гонашвили, автор-составитель книги, член Союза писателей Грузии Нина Шадур-Зардалишвили, доктор медицины, летописец фамилии Реваз Такаишвили. Стихотворения поэта читали актеры театра им. Грибоедова Инна Воробьева, Иванэ Курасбедиани (в переводах на грузинский Русудан Рцхиладзе и Темура Джагоднишвили) и Валерий Харютченко. А певец, композитор и общественный деятель Владимир Брилев специально прилетел в Тбилиси, чтобы исполнить на вечере песни на стихи поэта. «У Такаишвили – свое видение мира, – предварил свое

выступление В. Брилев. – Я очень часто слышу от людей, которые впервые прочитали его стихи, что это поэт минорный и достаточно сложный по смыслу. Поначалу он действительно кажется непростым, но, когда вникаешь в его поэзию, понимаешь, что она светлая и очень легкая».

И, конечно, с воспоминаниями выступила мама поэта, Светлана Сургучева. Вот одно из них: «В ноябре 2010 года, очень скоро после ухода Сережи, буквально на девятый или десятый день, я, как в омут с головой, схватила трубку и позвонила Белле. Я представилась и сказала, что мой сын при жизни очень хотел, чтобы она посмотрела его стихи. Честно признаюсь, что второй раз я бы не осмелилась вот так взять телефон, набрать номер и сказать то, что я сказала. А Белла так медленно-медленно спрашивает меня, есть ли сейчас передо мной его стихи. Я сказала, что, конечно, да. Передо мной были четыре его последних стихотворения, которые он написал в Институте им. Бакулева, когда лежал там с сердцем. И я прочла... Сначала одно стихотворение. Потом Белла сказала: «Прочтите еще». Я прочла еще... Все четыре стихотворения я ей прочла по телефону. И замерла. После небольшого молчания Белла сказала только одно: «Это не стихи. Это поэзия. Она заставляет страдать».

«Только дожив до пятидесяти с лишним лет, – писал Сергей незадолго до ухода, – я понял, что есть такая вещь, как память человеческая. И ради этой памяти, чтобы помнили тебя с благодарностью – если оно, это воспоминание, еще и будет, – стоит жить. Пусть жизнь колотит и бьет тебя, пусть в конце концов ты превратишься в безмозглую, бездыханную чурку, только память способна вдохнуть жизнь в пустые слова, которыми стало твое имя!»

Книга «Грузинские корни, русская корона» стала подтверждением этих слов – память человеческая вдохнула новую жизнь в имя поэта.

Соб. инф.

ПРОЩАЙ, МОЙ ДВОР...

■ Анаида ГАЛУСТЯН

Совсем не обязательно жить во дворе, чтобы он был родным и любимым, связанным с дорогими воспоминаниями.

...Этот двор помнит мое детство, первые шаги и слова.

Помнит юность моих родителей, их свадьбу, молодость бабушки... С одной стороны – кирпичная стена, за которой был кинотеатр «Комсомолец» и все время слышались бесконечные индийские песни, с другой – длинный дом, окошки, окошки, «шушабанды», маленькие подъезды, старинный деревянный фасад, украшенный удивительной резьбой... По всей длине дома – огромные, причудливые подвалы или полуподвалы, где мы, детвора, исследовали все углы и, чумазые, в паутинах, представали перед родителями. Там был целый мир с улочками, как в Марокко, и огромное количество старинных вещей: тазов, самоваров, ненужной мебели и даже пианино, а кругом – трубы, заматанные какой-то толстой ватой, казавшейся сладкой. А еще, множество кошек всех цветов радуги и размеров – это по сей день их царство! И была у них покровительница, защитница и кормилица – добрая тетя Галя. Она и сейчас есть, только приезжает редко

на радость кошкам и нескольким старым соседям, а традицию продолжает дочь Яна. Так что кошкам не на что жаловаться! Прямо – парадный подъезд с массивными мраморными лестницами и необыкновенными перилами. Совсем недавно я бежала по ним с радостью, теплым сердцем до знакомой двери на третьем этаже, которая всегда была открыта, до родных улыбок, крепких объятий, острых шуток. Это была семья сестры моей бабушки, большая, дружная, веселая, хлебосольная, шумная, и их теплый дом был не просто домом одной семьи, а настоящим большим и уютным гнездом для всех родных, близких, друзей. Не помню, чтобы в этих огромных, высоких комнатах с массивной старинной мебелью было тихо и нелюдно, здесь всегда кто-то гостил, «согревал» душу. За большим столом собиралось множество гостей, ведь по традиции в доме шумно и весело отмечались дни рождения, свадьбы, рождение детей, крестины, защиты дипломов и диссертаций, чей-то приезд, отъезд – повод всегда находился! Помню свою радость, когда шла с бабушкой из детсада через весь Плехановский проспект до арки любимого и родного двора. Из окон выглядывали соседи, здоровались, обяза-

Армен Зурабов

тельно говорили, что я выросла. Вот элегантная тетя Тамрико, яркая красавица с добродушным, очень скромным, хоть и известным, супругом – Автандилом Гендзехадзе, директором фильма на киностудии «Грузия-фильм». Эта красивая пара была украшением двора, символом любви. Вообще этому двору повезло с такими парами! Тетя Тамрико и сейчас такая же элегантная и неунывающая, с жизнеутверждающей помадой и улыбкой, греющей душу. Она обязательно вспомнит или скажет что-нибудь доброе, а главное, она верная соседка. Дядя Авто давно ушел... Помню окошко на первом этаже с разноцветными фиалками и доброе лицо милой старушки Рузанны, а рядом столик и стулья с самой активной и любознательной соседкой – тетей Офик! Со всеми вопросами нужно было обращаться к ней – она была в курсе всего и ничто не осталось бы незамеченным ее зорким глазом. Ее все любили – и взрослые, и дети, и горевали, когда не так давно она ушла. Сейчас в этом маленьком, уютном доме живут ее дочь с супругом – чудесная пара, пронесшая свою любовь через всю юность, школьные годы и уже радующаяся внукам. Джульетта и Гамлет – вот так по-шекспировски! Сестра моей бабушки и ее супруг тоже были удивительной парой. Он – сложный человек, с характером, казавшийся суровым, имел доброе сердце и нежно, просто безумно любил свою жену, и эту любовь пронес через всю жизнь. Жена была его музой, талисманом – ведь такое нечасто бывает. Так любить – это талант. Особенно, самоотверженно. На протяжении всей жизни, уходя на работу, он оборачивался на балкон, и она всегда стояла и провожала его долгим взглядом. Этот каждодневный ритуал

был ему очень нужен, поддерживал и согревал на весь нелегкий день. Вот такой романтический балкон! А главной радостью и гордостью этой любящей пары были успехи детей – дочери и двух сыновей. Один из них стал известным в нашем городе врачом-офтальмологом, проводившим уникальные операции и вернувшим зрение не одному человеку. Профессор Ашот Сафоян. Его до сих пор помнят и любят в ортачальской клинике, где он проработал долгие годы, и в клинике на ул. Шерозия, где он начинал свою карьеру врача. В тяжелые 90-ые годы он уехал в Москву, затем ему предложили работу в Италии, где он и живет. Он был первым, кто выпорхнул из «родового гнезда», попрощался со двором, оторвал его от сердца, причинив себе и всем нам боль. Но в то время профессионально расти в нашем городе было невозможно... Тбилиси, Плехановский проспект и, конечно, двор помнят и Жанну Сафоян, дочь, долгие годы проработавшую участковым врачом в этом районе. Она стала дорогим и родным человеком во многих семьях, ей доверяли свое здоровье, делились мыслями, проблемами, радостью и горем. Ее прихода ждали, радовались, как радуются встрече сейчас, когда она приезжает и идет по родному проспекту. Младший сын, Эдуард, остался в Тбилиси, но не во дворе детства, а в отдельной квартире, хотя часто приходит сюда, соскучившись по детским ощущениям, приходит за воспоминаниями. Он инженер, руководит прокладкой асфальта по всей Грузии. Благодаря его нелегкой работе «залаталось» немало ям, дороги стали ровней и комфортней. Я как-то особен-

Карина Зурабова

но любила супруга моей тети, Ашика Кюркчяна, человека необыкновенного ума и эрудиции, бывшего для меня не только дядей, но и другом. Энергетик по образованию, он проработал долгое время в НИИ при металлургическом заводе в Рустави, был автором научных работ и талантливых проектов, по которым много лет шли строительства в Чехословакии, где он жил и работал. Самым печальным и горьким был уход моего дяди Ашика – навсегда. Из двора и из жизни. Никогда не забуду его

растерянности, когда завод и любимый институт закрыли, разграбили, а ценных сотрудников оставили на улице. Много лет он морально погибал, лишившись дела всей жизни, нервничал, переживал и допереживался до инсульта...

...Траурная процессия вышла из двора на проспект, остановили движение. Какому-то водителю это не понравилось, он начал ругаться, другой нетерпеливо засигналил. Мой дядя словно проплыл над всеми, высоко-высоко. Он всегда был чуточку над всеми, высоко, просто никогда не смотрел свысока. Я обернулась на двор, как в последний раз, понимая, что он уже никогда не будет таким, как раньше. У ворот, оперевшись на метлу, стояла и горько плакала старенькая дворничиха. Было странно, ведь совсем недавно мы сидели и говорили о «Вечной весне» Родена. А в памяти его слова: «Поступили с тобой плохо – сделай хорошее, пусть им стыдно станет. Во всяком случае, постарайся...» Его большим другом и вообще другом всей семьи и соседом по общему балкону был Армен Зурабов, известный драматург и сценарист. Я всегда старалась пройти бесшумно мимо его огромной двери, за которой жило творчество. Его сестра, Нелли Зурабова, как и супруга Анна Смирнова, была чтицей и интереснейшим человеком, и всегда что-то репетировала. Если вдруг дверь открывалась, я готова была провалиться сквозь землю, потому что Армик приглашал меня войти и читать все, что я написала. Я страшно стеснялась, чувствовала себя гадким утенком в этом по-настоящему тбилисском «доме с знаком породы» со старинной мебелью, где была одухотворенность, возвышенность, жило вдохновение. Потом он звал дядю, они сидели, спорили над моими неуклюжими стихами и текстами, а мне было неловко

и очень хотелось бежать к ждущей меня Нарке, троюродной сестре, старшей на два года, с которой мне разрешалось «через дорогу». Из-за угла за всем шумом-гамом исподлобья наблюдала зурабовская собака Джойка, огромная, красивая, но со вздорным характером, которую я очень боялась, и которая привыкла к таким бурным обсуждениям. Наконец, я получала советы, рекомендации и мои «произведения», исчерканные красной пастой. А еще, очередной список книг на месяц, которые мы потом обсуждали. Что-то говорилось об «удачных» и «неудачных» фразах, о «найденных» и «ненайденных» словах – тогда мне все это было непонятно и странно, что ко мне так серьезно относились. Но Армен Зурабов, и я сейчас понимаю, как много внимания уделил мне этот умный, глубоко образованный и очень искренний человек. Однажды я уезжала в Москву, и он попросил отвезти рукопись его будущей книги «Родники» в Союз писателей. Я шла по коридору и бережно несла большую, толстую папку, когда неожиданно столкнулась с Робертом Рождественским, не смогла скрыть изумления и радости и поздоровалась. Наверно, это было очень смешно, он улыбнулся, поздоровался, и эта добрая, открытая улыбка осталась в моей памяти и в душе. Ведь бывают встречи, даже длящиеся мгновения, которые остаются в тебе навсегда... Армен Зурабов тоже попрощался с родным двором и уехал в Москву. Никогда не забуду стоящий во дворе трайлер, куда погружалось огромное количество книг. Соседи изумлялись, что он забирал их с собой, а мне было так больно, что я не смогла даже попрощаться... Теперь уже нет огромной зурабовской двери, перед которой я робела с тетрадкой в руке, не решаясь постучать, ее застроили новые жильцы. Но когда я стою на том общем балконе, люблю

ясь красными крышами, любимым двором и таким родным видом на Мтацминда, я вижу высокого, статного человека в длинном плаще, идущего со своей верной собакой Джойкой через арку на Плехановский проспект... Этот двор живет во многих его рассказах. «Мама была дочерью генерала. Отец был из крестьян. Познакомились они в Москве в двадцать шестом году... Из Москвы вернулись вместе и стали жить в Тифлисе у бабушки, в большом старинном доме с ангелами, деревянными балконами и узким длинным двором...». «До революции двор принадлежал богачу Осипову, а после сюда вселили около ста самых различных семейств. Здесь жили и столяр, и сапожник, и портной, и дворник, и чекист, и генерал... К сыновьям сапожника из соседнего двора приходил знаменитый безрукий Шурка, словно мстивший природе за свое несчастье громкими преступлениями и отчаянным умением рисовать ногой...». «Днем в окне были верхушки деревьев, красные крыши и горы. Под окном, в цветах и в зелени, посыпанный красным песком, лежал сад кинотеатра... За окном с утра возникали звуки. Звонили с соседней кирхи. Отчетливо доносились скрипы трамвайных колес. Вдруг рядом на соседней улице, где разрешалась еще стоянка извозчиков, раздавался и стихал топот копыт. Тягуче разливался где-то по улицам похоронный шопеновский марш. Били колокола...».

«После работы мама водила в сад Муштаид. В Муштаиде были карусель, горка, парашютная вышка, комната смеха и детская железная дорога. Дорогу обслуживали дети, одетые в форму железнодорожников, и было неестественно, что они, как взрослые подчиняли себя и других правилам, а не нарушали их...».

«Посреди двора по сей день стоит большое тутовое дерево. Оно облокотилось на глухую

кирпичную стену кинотеатра, за которой уже третий десяток лет с утра до вечера чуть слышно kloкочут музыка и отдаленные голоса. Раньше под деревом был бассейн и дерево держало над ним широкую сильную ветку, похожую на опахало...».

С его отъездом наша связь не прервалась, а превратилась в звонки и переписку – не электронную, а настоящую! Кто-нибудь привозил и увозил письма, и я их бережно храню. Эти письма приносили радость, грели душу, как и мудрые зурабовские слова и наставления: «Сейчас обнаружил вдруг, что снег растаял, солнце греет, на деревьях собираются раскрываться листья. Несмотря ни на что Христос Воскрес! Великая у нас религия, что бы не случилось, каждый год напоминает о воскрешении Надежды!..» «Ничего нельзя откладывать! Это – одно из главных правил жизни, бесспорное хотя бы уже потому, что естественно вытекает из того, что ясно каждому: единственное, что принадлежит нам, это отпущенное нам время». «Несмотря ни на что пиши! И даже если будет оставаться время только на дневник – продолжай писать. К тому же, дневник – самое искреннее, что можно написать. Читала ли «Дневники» Л.Толстого?..»

Во время последнего нашего разговора он сказал: «Я

буду беречь себя для нашей встречи». Но встреча уже не случится – в августе Армена Зурабова не стало. В Москве, в Литературном музее, семья организовала вечер памяти и презентацию его последней книги, которую он успел мне подписать. Вечер вела его любимая дочь – Карина Зурабова. Собрались друзья, вспоминали, зачитывали тексты из произведений и смотрели его удивительный фильм «Песни песней», в котором под звуки музыки и природы звучит поэзия...

...Мимо этого двора я прохожу каждый день, т.к. живу совсем рядом, и все время остаюсь, чтобы увидеть родной балкон на третьем этаже. Во дворе все так же, как в детстве: бельё на веревках, поспевающий черный виноград, посаженный дядей рыжий королек, кран посреди двора, изумленные глаза разноцветных кошек. И дом, он есть, он не продан, просто закрыт. Но гнездо, большое и шумное, открытое для всех, опустело, остыло и умолкло. Как и голоса коренных жителей двора, родных и любимых. От этого он как-то осиротел. Поэтому каждый раз, встречаясь с ним, я не здороваюсь, а прощаюсь. Прощай, мой двор...

Н.Свентицкий, Г.Габуния и Д.Джаиани после спектакля «Вишневый сад»

ГУРАНДА ГАБУНИЯ. 60 ЛЕТ НА СЦЕНЕ

Один из недавних спектаклей Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова стал своего рода сенсацией. В сценической версии Андро Енукидзе по пьесе А.П. Чехова «Вишневый сад» в роли Раневской на русскую сцену вышла Гуранда Габуния – актриса истинно грузинского темперамента и экспрессии.

Надо сказать, подобный опыт в истории Грибоедовского – не первый. Когда-то здесь блистали Верико Анджапаридзе и Отар Коберидзе. Гуранда Габуния продолжила экспериментальную линию соединения двух, казалось бы, несовместимых театральных школ. Но она не была бы собой, если бы не внесла свою ноту – яркую, неповторимую. А неповторимость ее в том, что она, как очень немногие, умеет сочетать трагизм и иронию, пафос и простоту. И во всей силе проявила это дарование в роли Раневской.

Рецензенты не скупались на восторженные эпитеты. Вот лишь несколько цитат из разных статей: «Гуранда Габуния органично вписалась в актерский ансамбль в роли первой

скрипки, играя женщину, подводящую итоги собственной жизни. Ее гнетут мысли о немогущей старости, сделанных ошибках, утраченных связях. О близких людях, которых давно нет рядом, о родине» («Экран и сцена»); «В центре спектакля – Гуранда Габуния в роли Раневской. Актриса продемонстрировала прекрасную творческую форму. Ударные сцены-монологи актриса проводит на гребне эмоций, на пределе отчаяния. Прощание Раневской – Гуранды Габуния с садом, домом трогает зрителей до комка в горле» («Тбилисская неделя»); «Гуранда Габуния приглашена на роль Раневской не случайно, без нее этот спектакль немислим. Именно вокруг ее героини разворачивается все действие. Широкая амплитуда ее актерских средств раскрывается в «Вишневом саду» многогранно, разнообразно, иногда неожиданно. Раневская может смеяться, может улыбаться так, как это умеет делать только Гуранда Габуния, может быть тонкой и ранимой, как в сцене с Лопахиним, рассерженной и возмущенной, как в сцене с Петей Трофимовым. Но через весь

спектакль она пронесит нить безысходности. Мучительный прощальный монолог Раневской пронизан отчаянием и болью. Перед зрителями предстает подвластная ей вся глубина чеховской палитры» («Русский клуб»)...

У спектакля сложилась и продолжается счастливая судьба – он был триумфально представлен не только в Грузии, но и в Москве, в Театральном центре «На Страстном», на Международном театральном фестивале «Мельпомена Таврии» в Херсоне, где Г. Габуния была награждена призом в номинации «За преданное служение театру».

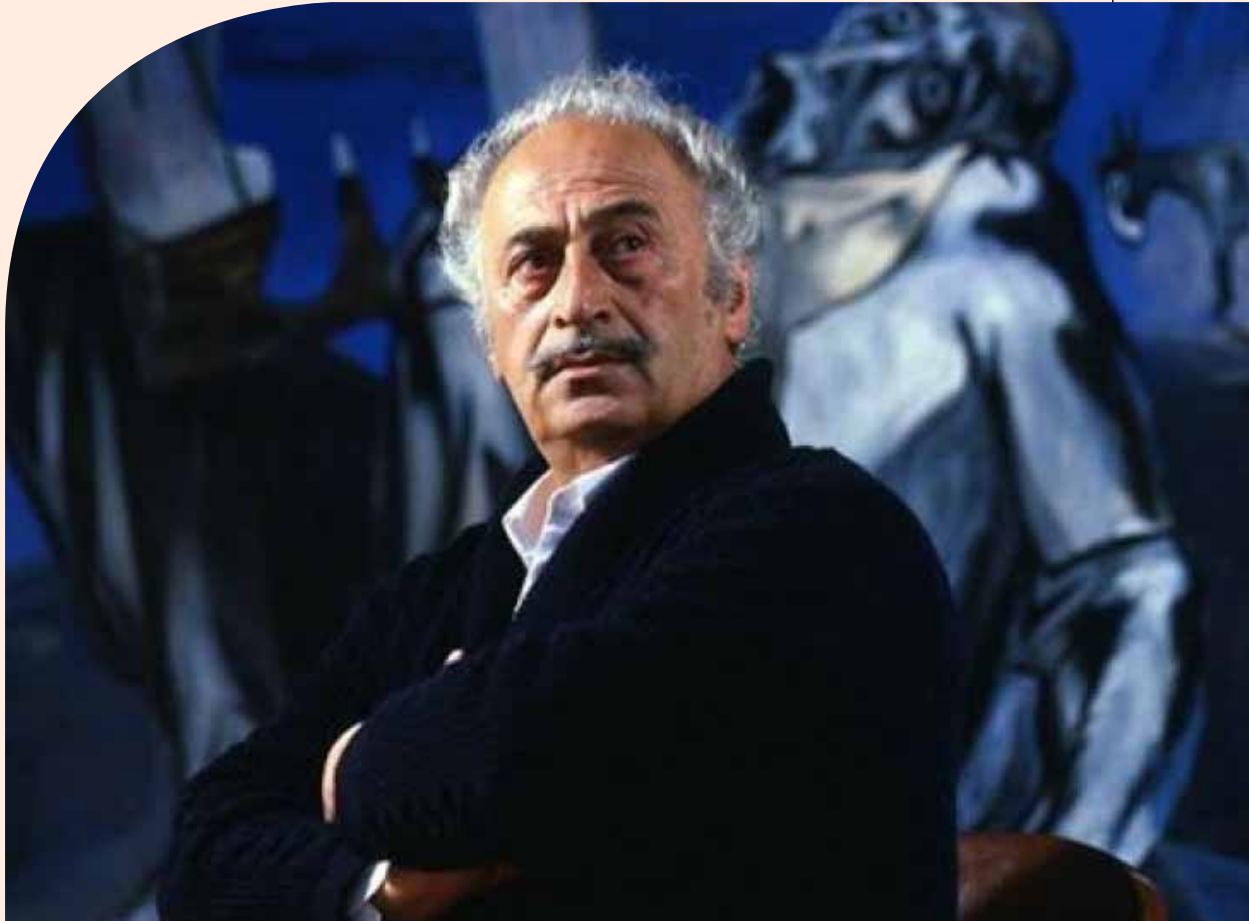
Естественно, что именно специальным показом этого спектакля и отметили в Грибоедовском 60-летие (можно ли в это поверить?!) сценической деятельности любимой актрисы.

Народную артистку Грузии, лауреата премий им. К. Марджанишвили, М. Туманишвили, В. Анджапаридзе поздравили директор театра им. Грибоедова Николай Свентицкий, министр культуры Автономной республики Абхазия Дмитрий Джаиани и, конечно, благодарная публика.

«Ставя этот спектакль, мы хотели внести очень светлую, красивую страницу в историю нашего театра, – подчеркнул Н. Свентицкий. – И это случилось. Мы счастливы, что сегодня на нашей сцене – Гуранда Габуния, выдающаяся грузинская актриса и при этом – человек русской культуры. Уверю вас, что ее путь в театре имени Грибоедова будет долгим».

«Наша Гуранда – сухумчанка, – сказал Д. Джаиани. – Она – дочь выдающегося театрального деятеля Георгия Габуния. Говорят, он шутиливо спрашивал – за кого, интересно, выйдет замуж моя дочь? Увы, он не дождал до того дня, когда Гуранда стала супругой величайшего актера Отара Мегвинетухуцеси. И то, что рядом с таким гением она не осталась в тени, смогла проявить себя и занять свое место в искусстве, говорит о ее огромном таланте».

Соб. инф.

Мераб Бердзенишвили

Достоинство и гордость нации

■ Эмзар КВИТАИШВИЛИ

Нынешний сентябрь оказался недобрым: вся Грузия прислушивалась к дыханию великого скульптора Мераба Бердзенишвили, который перенес тяжелейшую операцию. Операция повлекла осложнения, пациента переправили в Стамбул, но, к великому сожалению, старания врачей оказались тщетными – Мераб Бердзенишвили погиб.

Неизмерима наша скорбь.

Признанный король грузинской скульптуры, Мераб Бердзенишвили не нуждается в представлении кому бы то ни было, одного его имени и фамилии достаточно для того, чтобы понять, какого ранга Мастера потеряла Грузия.

Много лет назад выдающийся русский искусствовед, доктор философии, культуролог

Моисей Каган публично заявил, в связи с уникальным феноменом Мераба Бердзенишвили: «Я должен показать всему миру, что в сегодняшней Грузии живет новый Микеланджело». Бурные 90-ые годы помешали Моисею Кагану лично познакомиться с Мерабом Бердзенишвили, но позднее, приехав в Тбилиси, он познакомился с ним и увидев своими глазами его скульптуры, написал монографию.

Основной пафос его работы заключается в том, что монументальная скульптура Мераба Бердзенишвили, воспевавшего красоту жизни, в корне противостоит протекавшим на Западе в последний период XX столетия мазохистским процессам самоуничтожения, распада, кризису культуры. Огромной

заслугой грузинского скульптора является тот факт, что в его творчестве ощущается мощный поток национальной самобытности, которую можно рассматривать лишь в контексте мировой культуры.

В 2014 году при поддержке Министерства культуры и охраны памятников Грузии был издан прекрасно иллюстрированный альбом произведений Мераба Бердзенишвили, куда вошли его скульптура, живопись и графика. Альбому предпослано предисловие известного грузинского искусствоведа Георгия Джанберидзе «Вечное искусство», небольшое по объему, но весьма содержательное. Я позволю себе привести один абзац из этого предисловия:

«Монументальные творения

Памятник Ш.Руставели. 1987

Мераба Бердзенишвили не оставляют равнодушными ни высокопрофессионального зрителя, ни простого, кому Бог дал талант воспринимать красоту. Потому-то открытие его скульптур зачастую превращалось в народное празднество, подобное тому, какие в эпоху Ренессанса сопровождали вынесение из мастерской великих итальянских художников их бессмертных работ. Эти величайшие переживания – участь лишь избранных».

Во время учебы в Тбилисской Академии художеств Мераб Бердзенишвили тщательно изучал творчество своего выдающегося педагога, скульптора Николоза Канделаки. А его дипломную работу он посвятил Шота Руставели,

скульптурную фигуру великого поэта в 1966 году, во время грандиозного празднования юбилея Руставели, установили в Москве.

«Вепхисткаосани» для Мераба Бердзенишвили была как Библия. Всю жизнь он, можно сказать, из рук не выпускал поэму. И неудивительно, что одним из последних его шедевров, увенчавших его титаническое творчество, стал опять-таки великолепный памятник Шота Руставели. Он установлен во дворе дома-музея Ме-

Памятник Ш.Руставели. 1966

раба Бердзенишвили. Скульптура отличается необычайной свободой и легкостью, каждая черточка дышит, живет, кажется, словно мы созерцаем мифического Орфея. Она производит на созерцающего неизгладимое впечатление.

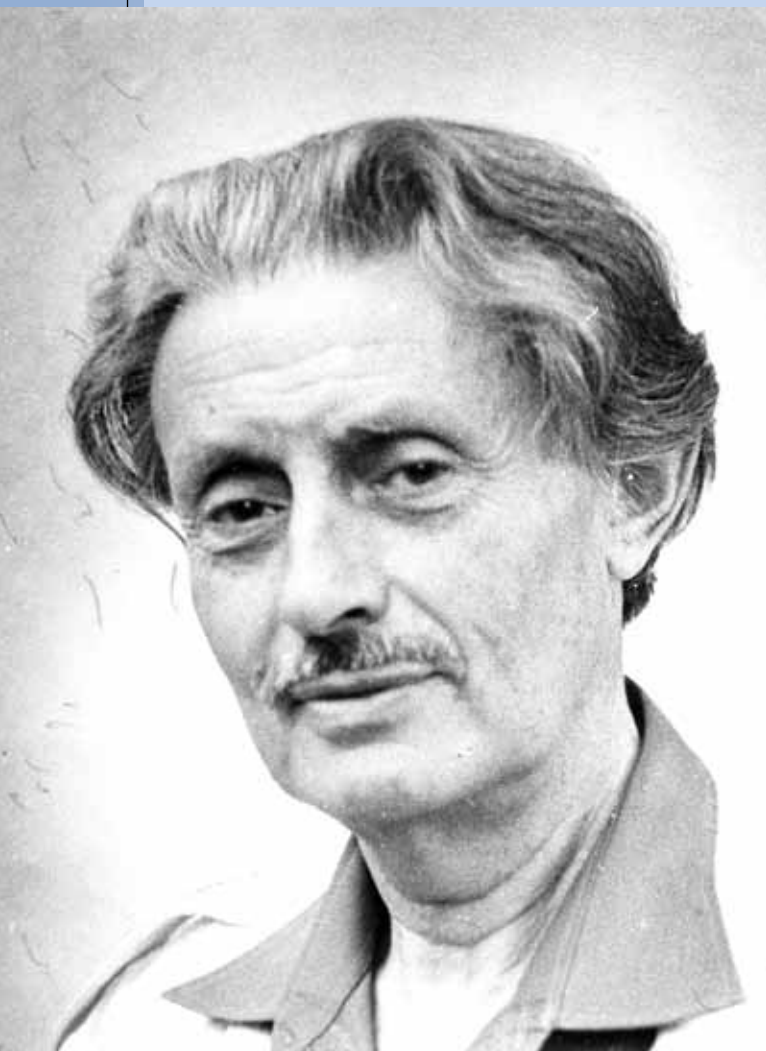
Если перечислить хотя бы часть созданных Мерабом Бердзенишвили шедевров, становится ясно, какого размаха и масштаба художник перед нами: статуя Давида Гурамишвили в Тбилиси (1965), памятник Шота Руставели в Москве

Памятник Г.Саакадзе. Тбилиси. 1971

(1966), «Медея» в Бичвинта (1970), конная статуя Георгия Саакадзе в Каспи (1971), памятник Захарию Палиашвили в саду Тбилисского театра оперы и балета (1979), символическая статуя «Муза» перед зданием Филармонии в Тбилиси (1972), скульптурная композиция «Вновь вырастут волчата» близ города Марнеули (1975), мемориал посвященный Нодару Думбадзе в Тбилисском парке «Мзиури» (1986), скульптура Кетеван Цамебули (1989) – (позор, что изображению всемирноизвестной царицы-мученицы за христианскую веру до сих пор не предоставлено место!). Конная статуя Давида Агмашенебели (1996) по кощунственному решению предыдущего правительства скульптура великого царя Грузии была перенесена с проспекта Руставели на совершенно неподобающее место – Дигомскую трассу. Это еще одно преступление к общему списку преступлений бывших властей, подобное тому, как был варварски взорван установленный в Кутаиси прекрасный мемориал Победы. В 2007 году в Австрии была водружена замечательная скульптура основателя сети SOS-Детских деревень Германа Гмайнера, в которой проявился дар перевоплощения грузинского Мастера.

Около двух месяцев назад в Тбилиси по непосредственному желанию Мераба Бердзенишвили, в им же основанном Международном Центре культуры «Муза», проводился трехдневный симпозиум приглашенных из разных стран мира выдающихся скульпторов. Симпозиум открыл сам Мераб. Участники симпозиума никогда не забудут интереснейших трех дней и с благодарностью будут вспоминать гениального скульптора, художника и человека, обретшего вечный приют во дворе своего дома-музея, подле одного из лучших своих творений.

Натан Баазов

Литературная и научная общественность Грузии понесла тяжелую утрату – скончался Натан Баазов.

Натан Баазов родился 18 июня 1934 года в семье известного грузинского писателя, ставшего жертвой репрессий 30-х годов XX века Герцеля Баазова. В 1957 г. он окончил физический факультет Тбилисского государственного университета и с того времени работал на разных должностях в Институте физики Академии наук Грузии. Он являлся вице-президентом по научной части Научно-исследовательского центра изучения энергоинформационных явлений, членом Консультативного совета газеты «Алиа Сакартвелодан».

Литературный дебют Н. Баазова состоялся в 60-х годах минувшего столетия, когда в московском журнале «Техника молодежи» впервые

были опубликованы его стихи. С той поры его стихи и художественные переводы систематически печатались на страницах газет и журналов, выходили книгами.

Сейчас смело можно сказать, что Натан Баазов был достойным продолжателем традиций своего отца, который проповедовал в своем творчестве добро, честность, порядочность. Свой поэтический дар Натан отдал бескорыстному служению грузинской литературе. В его лице грузинская литература потеряла своего неутомимого популяризатора в русскоязычном мире. Именно в его прекрасных переводах русскоязычный читатель знакомился с блестящими образцами многовековой грузинской поэзии. Достаточно напомнить предложенные читателю 15 разных переводов «Мерани» Н. Бараташвили, выполненных им в течение лет, факт сам по себе являющийся доказательством искательского духа поэта.

Литературные круги с большим одобрением встретили переведенную им Антологию грузинской поэзии XX века на русском языке. В этом грандиозном труде объединены переводы стихов 230-ти грузинских поэтов.

Прекрасным лириком был сам Натан. О том свидетельствуют его поэтические сборники: «Страницы лет», «500 стихотворений о любви», «1001 стихотворение о любви», «Мои еврейские темы». На эти стихи создано немало песен.

Творчество Натана Баазова оценено по достоинству. Он был удостоен многих премий – Государственной премии Грузии, премий Галактиона Табидзе, Георгия Леонидзе, «Грузинского комсомола», российской «Литературной газеты» и «Книжного обозрения», премий «Грузинского союза в России», являлся кавалером ордена Чести Грузии, ордена «Культурное наследие», обладателем Золотой медали, а также удостоен почетного звания «Мастер словесности» Международной федерации русскоязычных писателей.

Грузинские писатели с болью простились с Натаном Баазовым – выдающимся поэтом, переводчиком, общественным деятелем, оставившем глубокий след в литературной жизни.

Союз писателей Грузии

Коллективы международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб» и Тбилисского государственного академического русского драматического театра имени А.С.Грибоедова выражают искреннее соболезнование близким Натана Баазова

SINCE 1884

SARAJISHVILI

ს ა რ ა ი შ ვ ი ლ ი

г. ИРКУТСК
Р.Р. БАХ.
ПАМЯТНИК ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ III

